

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СИНЕЕ ПЛАМЯ

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

СИНЕЕ ПЛАМЯ

Синее пламя

Алексей Пехов

Синее пламя

«Автор»

«Автор»

2015

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Пехов А. Ю.

Синее пламя / А. Ю. Пехов — «Автор», «Автор»,
2015 — (Синее пламя)

ISBN 978-5-9922-2121-3

Эпоха великих волшебников подошла к концу тысячу лет назад, оставив после себя лишь темные легенды да руины. Но некоторые уверены – где-то по дорогам истерзанного Катаклизмом материка все еще бродит мятежный маг Тион, ученик самого Скованного, способный вернуть мир к процветанию. Лавиани, Шерон и Тэо спешат по следу волшебника, а вокруг пробуждается синее пламя, говорящее о том, что нынешняя эпоха подходит к концу.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2121-3

© Пехов А. Ю., 2015
© Автор, 2015
© Автор, 2015

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	24
Глава четвертая	36
Глава пятая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Алексей Пехов

Синее пламя

Глава первая

Пустой дом

Я не рекомендую тебе связываться с ней. У себя, в горах, ты слишком расслабился. Не обманывайся внешним видом. Быть может, она и хрупкая женщина, слабее тебя, но ее оружие – ум и воля. Ты проиграешь прежде, чем поймешь это. Потому на те жертвы, на которые готова пойти она, никогда не решится никто из мужчин.
Из письма Скованного об Ариле, адресованного Каму.
За год до Войны Гнева

Служанка захлебывалась рыданиями, и Бланка Эрбет с трудом сдерживала ярость. Ей хотелось со всей силы залепить этой плаксивой дуре пощечину, так, чтобы у той зазвенело в пустой башке.

Но Бланка не стала этого делать.

Ее холодное лицо оставалось спокойным, а в темных глазах даже был намек на симпатию. Она с участием протянула служанке дорогой кружевной платок, и та, благодарно всхлипывая, стала в него сморкаться.

Пришлось подавить новую волну раздражения, отвернуться и подойти к окну.

У наследницы Язева Эрбета была прекрасная благородная осанка, длинная шея и тонкая талия. На севере ее считали красивой, бледно-рыжие, словно выгоревшие на солнце, волосы ценились, и у отца были большие планы, когда он выдавал ее замуж.

Но муж не понравился. Старше ее на тридцать два года, он интересовался лишь охотой, собаками да вином, замечая молодую жену от случая к случаю. Она была ему нужна лишь для того, чтобы произвести наследника. Проклятый шауттом аристократ гордился тем, что его род не прерывался и вел свою историю со времен, когда еще никто и не думал, что случится Катаклизм.

Он быстро ей надоел. Наскучил. Стал отвратителен. Начал мешать. В свои восемнадцать Бланка уже знала, чего хочет от жизни. И там не было пункта – провести всю свою молодость с хмельным боровом, зевая каждый раз, когда он кичится своими давно сдохшими предками. Что бы там ни думал отец на этот счет.

И если сперва она колебалась, то после того, как супруг избил ее до такой степени, что лекарь лишь развел руками и сказал, что у нее не может быть детей, девушка отбросила сомнения.

Надо было действовать, пока дражайший муженек не понял, что она бесполезна для него.

Бланка была из Эрбетов. Кровь от крови. Достаточно умна, решительна и жестока, чтобы править, а не подчиняться какому-то убожеству. Она все сделала так, как хотела. План сработал идеально, все расставленные приманки были съедены, капкан захлопнулся, и его милость драгоценный супруг сдох, заколотый кинжалом прямо во время пира. По итогам расследования тогда казнили шестерых участников «заговора». Никто не подумал на скорбящую вдову.

Даже отец.

Только Рин понял. Он всегда был умнее ее. Даже несмотря на то, что Бланка училась в Каренском университете, а Ринстер – нет.

А теперь брат мертв. Как и двое других. Как и отец, которого она, видят Шестеро, уважала.

Дом ее детства был пуст. И Бланка не могла поверить в это.

– Это очень важно, Анна, – сказала женщина, отходя от занавесок. – Вспомни.

– Было так страшно, госпожа, – опять всхлипнула служанка. – Столько крови. Он их всех уби-и-и...

Снова начались рыдания. Бланка осторожно забрала изгвазданный платок из слабых пальцев, мягко улыbnулась и с размаху залепила звонкую оплеуху, чувствуя несказанное удовлетворение от того, сколь потрясенными стали глаза у служанки.

Та явно этого не ожидала от всегда сдержанной дочери Язева Эрбета. Но рыдать она наконец-то перестала. Лишь смотрела на госпожу круглыми глазами и шмыгала покрасневшим носом.

– Соберись! Ты единственная, кто видела его и осталась жива! Об этом твердят все от кухни и до конюшни. Мне. Надо. Знать!

Ее резкий голос пролетел по комнате, точно летучая мышь, отразился от потолка, зазвенел в ушах.

– Я почти ничего не видела, госпожа. Накрывала на стол. Пришел начальник охраны Давек, сказал, что старого господина хочет видеть человек. Потом я ушла и вернулась, когда уже все началось. Он был в обеденном зале и потом сразу на балконе, вон там. За секунду. И люди закричали. А затем господин Кельг взял свой топор, и такое завертелось! Страсть как ужасно! Я испугалась и убежала. Все убежали. Никто его не остановил. Даже Невек, а вы ведь помните, какой он был сильный и храбрый!

Бланка тяжело вздохнула:

– Ты хочешь убедить меня, что это сотворил один человек? И он в одиночку убил всех мужчин? Кельга, способного поднять лошадь, Невека, обучавшего многих воинов?

– Я больше никого не видела, госпожа. Только одного! Он сам шаутт! Демон с той стороны!

Надо думать, что дуреха от страха не увидела бы и целую армию, если бы та забралась к ней в постель. Бесполезная трата времени.

– Ты помнишь его имя?

Анна покачала головой.

– Как он выглядел?

– Красивый. Ай! – Служанка вскрикнула, когда получила еще одну пощечину.

– Соберись! «Красивый» мне ничем не поможет! Высокий? Низкий? Какого цвета волосы? Откуда он?

– Высокий, краси... – Она осеклась, испуганно посмотрела на женщину. – Загорелый. Южанин. А глаза голубые-голубые! Краси...

– Откуда? Дагевар? Соланка? Треттини?

– Простите, госпожа. Я не знаю. Он на лава был похож, но точно не лав. Те все низенькие.

У Бланки на мгновение опустились руки. Бесполезно. Все это бесполезно. Сложно добиться хоть какой-то информации от той, чей мозг проигрывает размерами муравью.

– Ладно. Ступай. Если что-то вспомнишь, сразу ко мне.

Та кивнула и поспешно убежала, даже дверь забыв закрыть.

Бланка повернулась к своему телохранителю и правой руке – Гренну. Он был из алагорцев, бледнокожий и уже немолодой. Но крепкий, как и весь этот народ. Серые глаза из-под покрасневших век смотрели на нее внимательно и спокойно в ожидании приказа. Гренна нашел Невек по просьбе ее отца, не желавшего, чтобы с дочерью что-то случилось во время долгих поездок по Варену.

Он был незаменимым помощником, и Бланка радовалась, что бывший воин сейчас с ней.

– Нет имени. Нет описания. Непонятно, зачем он приходил и что забрал. Мне не за что ухватиться. Что говорят на улицах?

– Никто не знает, по-очему убили вашего отца и братьев, госпо-ожа. – Гренн говорил, иногда растягивая слова, отчего многим казалось, что у него не все в порядке с головой. – Одни лишь слу-ухи, и каждый глупее предыдущего.

– И какой самый популярный?

– Шаутт при-ишел за вашей семьей.

Ее губы сжались. Бланка ненавидела сказки и дураков, которые в них верят. В детстве она тоже верила, боялась подходить к развалинам возле карьера, за городом, но Иан высмеял ее. Как все же давно это было. Теперь Иан мертв, упал с крыши из-за какого-то циркача. Он всегда был слишком безрассудным и много пил. Но ей было жаль его. И Рина. И даже Кельга, пускай она никогда и не любила старшего брата.

– Мог наемник справиться со всеми людьми отца? А с братом? Кельг был хорошим бойцом.

Гренн посмотрел на нее безучастно:

– Что я успел понять за го-оды службы на границе с Дагеваром, так это то, что всегда найдется кто-нибудь более хороший. Или хитрый. Или ловкий, госпо-ожа.

Она села в кресло и взяла украшенный позолотой хрустальный фужер с водой:

– Отец умел подбирать себе людей. И Невек, и Давек, и все остальные были опытными воинами. Ты серьезно считаешь, что один человек мог справиться сразу со всеми?

– Все быва-ает, госпожа. Если он южанин, то по-одлых приемов в рукаве может быть спрятано достаточно. – Гренн был не лучшего мнения о людях, живущих на другой части материка.

– Надо поговорить с Веонтами. Назначь встречу. – Бланка увидела недоверчивый взгляд телохранителя. – Оставь свое красноречие при себе. Я и так знаю, что ты скажешь.

– Ваш отец по-оручил мне оберегать вас, госпожа. Идти-и к его главному врагу... я не могу это-ого позволить.

Она осторожно поставила фужер на столик, встала, разгладила юбку, подошла к нему вплотную, заглянув в лицо, для чего ей пришлось задрать голову. Сказала тихо, с угрозой:

– Не можешь позволить? Твоя верность моей семье достойна похвалы. Но вот что я тебе скажу: выбор у тебя довольно простой. Или ты сделаешь, что я приказала, или придется тебе искать себе новую хозяйку.

Мгновенное колебание:

– Я понял, госпожа. Отпра-авлю сообщение пря-амо сейчас. Сколько людей пойдет вместе с нами?

– Только ты. – И, видя неодобрение, появившееся на его лице, сказала: – Не стоит показывать волкам кровь. Иначе они не смогут оставаться смирными. Это в их природе.

Гренн первым прыгнул с лошади, и его кольчуга, шпоры и оружие громко звякнули. Слишком громко, чтобы этого не заметили те, кто встречал их.

Краснолицый, крепко сбитый парень, вооруженный широким ножом, посмотрел на телохранителя с плохо скрываемой злобой, но с Бланкой оставался любезен. Холодно любезен, если быть точным. Ее не особо были рады видеть. Неудивительно. Эрбеты враждовали с Веонтами два поколения, и последние проиграли. А ее отец смог стать господином города.

Гренн шел позади, бросая взгляды в смежные залы. Сразу за ними двигались трое охранников Веонтов, бряцая оружием так громко, что заглушали звук своих шагов.

– Вашему слуге придется подождать за дверью, миледи. Хозяин хочет говорить с вами с глазу на глаз.

– Хорошо. Жди.

В глазах Гренна появилась обеспокоенность, но он не стал возражать при чужаках. Отошел к стене, положив руку на меч, так, чтобы видеть всех, кто находится в комнате.

Провожатый подозвал немолодую женщину в черном платье, сказав Бланке:

– Господин извиняется, миледи, но ей придется проверить, нет ли при вас оружия.

– Если мастер Веонт хочет оскорбить меня...

– Он не хочет, миледи.

– Тогда не тратьте мое время.

– Простите, миледи, но вынужден вам напомнить, что это вы искали встречи.

– Передайте вашему хозяину, что, если когда-нибудь он решит прийти ко мне в гости, я не заставлю своих слуг обыскивать его карманы в поисках ножа. Я не позволю, чтобы служанка обшаривала мои юбки.

Провожатый замешкался, холодно поклонился:

– Как миледи будет угодно. Я передам.

Он скрылся за дверью, но появился тотчас:

– Вы можете пройти, миледи.

Бланка довольно кивнула, показывая, что инцидент исчерпан, и прошла мимо стражи, мысленно улыбаясь. Трехгранный отравленный стилет, ножнами пристегнутый к ее голени, остался при ней. Она не собиралась использовать его, но считала, что у нее прав носить острую железку ничуть не меньше, чем у всех этих напыщенных индюков, что окружали ее.

Томас Веонт был ровесником ее отца, но выглядел не как старая развалина. Крепкий и подтянутый, словно лет на пятнадцать моложе своего возраста. Холодные глаза следили за тем, как она идет к нему мимо чучел медведей и оленей, покрытое оспинами лицо ничего не выражало. Она видела, как опущены уголки его губ, и могла догадываться, что он испытывает на самом деле.

Тяжело встречать дочь своего врага.

– Миледи Бланка. – Мужчина не счел нужным встать, но указал ей на стул напротив стола. – Позвольте выразить вам свои соболезнования по поводу трагедии, случившейся в вашей семье.

– Спасибо. Отец всегда говорил, что вы слишком вежливы. – Она улыбнулась, сглаживая резкость свои слов. – Мы оба знаем, что, если бы у вас была возможность, вы с радостью сами бы забросали тела Эрбетов землей. И накатили на могилы самый тяжелый из камней.

Он посмотрел на нее все так же спокойно:

– Если честно, я бы этим не ограничился и на всякий случай забил в них по осиновому колу. Ваш отец был тем еще шауттом.

– Я восприму это лишь как комплимент моей крови.

– А я слышал, что вы самая разумная в своем роду. Возможно, слухи врут, раз вы пришли в мой дом лишь с одним человеком. Вы либо меня ни во что не ставите, либо слишком самонадеянны.

Бланка понимала, что от следующих ее слов может зависеть многое. Слишком многое.

– Моего отца больше нет. И братьев тоже. А я всего лишь слабая женщина и не вижу причин продолжать вражду.

– Продолжать? – Томас Веонт покачал головой. – Вы не видите причин. Вы просто не можете ее продолжать. Поэтому и пришли заключить перемирие.

– Это не так. Мне не нужно никакое перемирие. – Она увидела, как у него на лбу появилась складка. – Представьте себе, я последняя, кто думает о мире между нами. Плевать я на него хотела, если уж быть совсем честной. Мое имение и владения на другом конце страны. Я жила в землях, принадлежащих моему мужу. Этот город давно перестал меня интересовать. Поэтому я предлагаю его вам.

Томас рассмеялся:

– Очень любезно с вашей стороны, миледи, предлагать то, что и так уже мое. Вы потеряли право на него со смертью вашего отца.

– И все же Эрбеты пока им правят.

– Эрберты мертвы. И вы можете умереть так же быстро, как и ваши братья.

– Разве гость перестал быть священен и неприкосновенен? – мягко спросила она.

Это заставило Веонта опустить глаза. Бланка знала, что он человек старой закалки и соблюдает традиции. В камине за ее спиной сухо треснуло полено.

– Моя смерть не преподнесет вам город на блюде, мастер. И вы это прекрасно знаете, иначе бы не разговаривали со мной. – Молчание Веонта показало Бланке, что ее выводы верны. – Люди всегда тяжело меняют старое на новое. А на этих улицах слишком многое завязано на мою семью. Умру я, и вы знаете, что случится. Не только Веонты хотели бы править, Марки и даже Гертты тоже мечтают быть первыми. Думаете, они отступят?

На лице ее собеседника проступило презрение:

– Эти мерзавцы проиграют большую войну.

– Конечно, – покладисто согласилась Бланка. – Проиграют. Лет через десять. А может, через пару поколений. Или вам повезет и все случится в течение года. Но вот крови прольется много. У вас двое сыновей, и лишь один из них может наследовать. Один. Слишком опасная цифра для кровопролитных стычек. Отец всегда говорил, что единственный сын ваш якорь, не дающий сорваться на авантюру. Одного ребенка терять гораздо сложнее, чем четверых.

– Смею заметить, что ваш отец потерял троих из четверых детей. А мои все еще живы.

Она наклонилась в его сторону, очаровательно улыбувшись:

– Замечательно, что вы это видите, мастер Томас. Теперь представьте, как быстро можно потерять сына, если Марки начнут войну. К тому же не надо забывать, что стычки между благородными родами не проходят без следа не только для народа, но и сильных мира сего. А герцог Нистер, хоть и предпочитает Весто нашей глухомани, может обратить взгляды на север, и если он вспомнит старое право и пришлет кого-то из своих племянников... – Бланка печально цокнула языком. – Неужели вы думаете, что сможете сопротивляться? Права уйдут короне. Она будет распоряжаться здесь напрямую, а не через подкупленных моим отцом управляющих в городском совете. Как вам такие аргументы?

– Весьма весомы. – Он откинулся на стуле, сложив руки на груди. – Доводы вы предъявлять можете, это неоспоримо. Значит, забудем о вашей смерти в моем доме. На время. Давайте пока поговорим о причине, заставившей ту, в ком течет кровь Эрбетов, прийти.

– Вы наняли людей, убивших моего отца? – резко спросила она.

Томас Веонт хмыкнул. Не зло. Скорее удивленно.

– Даже если бы это было так, вряд ли бы я признался, миледи. Ведь мы пока забыли о том, чтобы решить проблему вашей смертью. И если бы я стоял за гибелью ваших родичей и сказал вам об этом, мне пришлось бы... закончить дело.

Бланка понимающе улыбулась.

– Отец всегда говорил, что вы осторожны. А еще то, что люди, которым вы платите, умеют слушать и запоминать.

Томас молчал, ожидая продолжения.

– Уверена, что такой человек, как вы, приложил усилия, чтобы узнать, что произошло в доме моего отца. Хотя бы для понимания ситуации и уверенности, что в следующий раз придут не за вами.

– Хотите узнать, кто за этим стоит, миледи?

– Очень хочу.

– Отчего бы не узнать самостоятельно?

– О. Это возможно. Но на это потребуется время. Много времени. Вдруг этот некто не из города? Тогда чем дольше я тяну, тем меньше шансов его найти.

Он опустил глаза, спросив с удивлением:

– Жаждете мести?

– А почему нет? Я дочь своего отца. Или считаете, что месть дело рук лишь мужчин?

– Я воспитан в старых правилах. Именно так я и считаю. Это дело мужчин.

Бланка встала и, шелестя юбкой, подошла к столу:

– Иногда судьба жестоко шутит с нами, и мужчины заканчиваются, мастер Томас. Остаются только слабые женщины. Так что? Вы скажете мне, что случилось в моем доме и кто за этим стоит?

– Сядьте, – попросил господин Веонт чуть более резко, чем это требовалось, и тут же добавил уже гораздо спокойнее: – Сядьте, миледи. Не люблю, когда дети врагов подходят слишком близко.

Она сделала то, о чем он просил, сложила руки на коленях, точно примерная девочка.

– Зачем мне вам помогать?

– Город. Отдам его вам на блюдечке.

Томас Веонт раздраженно прикрыл глаза.

– Опять мы возвращаемся к началу разговора.

– И опять я говорю, что город все еще под Эрбетами, а я наследница. Городской совет, купленные люди в страже, договоры с гильдиями, герцогские сборщики налогов, дно. Они привыкли работать с моей семьей. И, как я уже упоминала, если вы начнете свару с Марками, половина из этих замечательных, обладающих связями, влиянием, властью, деньгами и сталью людей уйдут к ним. Я же сделаю так, что они станут вашими. С потрохами.

– И я должен поверить женщине, которой не было в городе последние четыре года? Что вас послушаются?

– Отец умел дрессировать и вбивать верность. В девичестве я Эрбет. У меня осталась вся его переписка, все счета, вся информация о грязных делах. Меня будут слушать. Я передам власть. Вам.

Ее собеседник размышлял, и размышлял долго. Она его не торопила. Смотрела в окно, наблюдая за тем, как на улице падают снежинки. Бланка знала, что он согласится, пускай все еще сомневается в ее словах и ждет подвоха.

– Город богат. И вы так просто...

– Ради мести? Легко. – Ее лицо осталось спокойным. – К тому же вы получите город, но не мое наследство. И не забывайте, кем был мой муж. Мне хватит денег на безбедную старость. А мир моего детства меня никогда не интересовал. Править им слишком непосильная задача для слабой женщины.

Ее собеседник криво улыбнулся, показывая этим, что не считает ее слабой и уверен, что уж она-то точно не ударила бы в грязь лицом.

– Есть одна загвоздка, миледи. Вас будут слушать. А вот меня вполне возможно, что и нет. Не старые друзья вашего отца. Я покупаю лишь половину свиньи.

Бланка почувствовала злость от того, что этот старый хрен все еще торгуется, хотя она отдает ему ключи вместе с замком, дверьми и подвалом, забитым сокровищами.

– Преемственность. Она послужит хорошим доказательством, что вы говорите вместо меня. Я передам вам все права моей семьи.

Она подумала, что отец, наверное, в гробу вращается, словно кабан на вертеле. Ну и ладно. Отправит ему в подарок его убийцу, пускай сорвет злость на нем.

– Брак? – Он смотрел на нее, не веря в то, что сам только что произнес. – Каким образом? Моя жена все еще жива.

От скромности он явно умирать не собирался. Бланка едва сдержала иронию:

– У вас есть сын.

– Гвет женат.

Бланка негромко рассмеялась:

– Я знаю. Но есть и второй.

– Мелин... – Он запнулся, не зная, как продолжить.

– Идиот, – жестко сказала она. – Да. Я знаю. Но в храмах Шестерых никого не смущает подобный факт. Если хочешь, можно выходить замуж и за дурака. Перед богами мы все равны.

– И вы сделаете это?

– Ваш вопрос странен. Я сама только что предложила.

Вновь пауза.

– И подтвердите брак?

– Вы о брачной ночи? Вот здесь я вас разочарую. Постель с вашим сыном не входит в мои планы. Но уверена, вы что-нибудь придумаете на этот счет. Служанок на вашей кухне полно. А мальчик вряд ли поймет разницу. Так что? Вы согласны?

– Согласен, – сказал тот и протянул руку.

Бланка читала книгу на старом наречии, которое выучила еще в университете, когда пришло письмо. Его принес Гренн, все еще с недовольным выражением лица оттого, что она заключила такую невыгодную сделку. Женщина вскрыла конверт руками, неаккуратно разорвав его и отбросив в сторону, даже не посмотрев на печать. И так знала, от кого оно.

Быстро пробежала глазами по строчкам. Нахмурилась, затем прочитала еще раз. Уже гораздо медленнее.

Телохранитель терпеливо ждал.

– Информации немного. Здесь описание человека, который, скорее всего, приходил в мой дом. Его запомнили слуги в трактире и видели на улице. Он уехал из города в тот же день. Действительно, южанин. Представился как господин Шрев. Он ни у кого не вызвал подозрений.

– Возможно, это не тот, кого вы ищите, миледи.

– Господин Веонт утверждает, что у него есть сведения, что Шрев тесно общался с Ночным Кланом.

Гренн присвистнул.

– Есть какие-нибудь до-оказательства?

– Нет. Видели, что он говорил с двумя людьми. Толстым мужчиной и черноволосой женщиной. А они, в свою очередь, общались с каторжниками с Малой улицы. Трактир «Моль». Отец всегда говорил, что это единственное заведение, которое не платит нам. Знаешь почему?

– Принадлежит Ночному Клану.

– Верно.

– Но это не связывает Шрева с ними.

– Может, да. Может, нет. В любом случае это лучше, чем ничего. Ниточка. Надо лишь потянуть.

– Очень осторожно, миледи.

– Твое беспокойство излишне. Я знаю, что внимание некоторых людей до поры до времени привлекать не стоит. Конюхи трактира, где останавливался этот человек, слышали разговор. Он планировал направиться в Гранит. Ты ведь жил там?

– Да.

– И, насколько я помню, у тебя есть знакомые из Ночного Клана?

Гренн неохотно кивнул. Бланка отбросила письмо.

– Одного не могу понять: зачем он убил мою семью? И как? Отец никогда не имел дел с людьми из Пубира и никогда не злил их. Во что он ввязался? Придется найти этого человека и узнать.

– А что потом?

– Я узнаю, чего он хочет, разрушу его мечту, а затем убью, – просто сказала Бланка. – Но сперва следует рассчитаться с долгами. Послезавтра у меня свадьба.

Глава вторая

Волчьи зубы

Законов чести среди старых семей Треттини, ведущих свой род еще с Эпохи Процветания, великое множество. Некоторые из них поражают своей вычурностью, необычностью и нелепостью. Впрочем, южанам можно простить многие странности. Когда надо, дерутся они как звери. Я бы настоятельно рекомендовал Вашей милости нанять их для своей гвардии.

Из служебной записки первого советника герцога Тараши

Лавиани шурила холодные, бледно-голубые глаза и слушала, как воеет разгулявшийся ветер. Была середина дня, но из-за низкой облачности и сильного снегопада создавалось впечатление, что вот-вот должна наступить ночь. Не самое легкое время для тех, кому не повезло очутиться далеко от жилья в такую погоду.

Крупные снежные хлопья оседали на непокрытой голове сойки, новой теплой куртке, подбитой собачьим мехом, и нахмуренных бровях. Из-за разыгравшейся непогоды довольно близкие горы, которых еще вчера, казалось, можно было коснуться рукой, теперь превратились в сумрачных призраков. Мело изрядно, и она понимала, что это не конец. К вечеру вполне может начаться снежный буран.

Такое уже случилось два дня назад. Один полудурок отошел по нужде шагов на тридцать от трактира, а обнаружили его лишь на следующее утро – бедолага не смог найти обратную дорогу и замерз в сугробе.

Тупой недалекий осел. Идиотская смерть. В такую погоду многиедохнут точно мухи.

Лавиани беспокоилась о Тэо, который отсутствовал уже почти сутки. Она злилась на себя за это волнение, но ничего не могла поделать. За те месяцы, что они провели вместе, волея-неволей попрыгун стал ей гораздо ближе, чем многие другие знакомые. Впрочем, Шерон это тоже касалось.

Глупо привязываться к чужим людям, но с этим сойка ничего не могла поделать. Она слишком долго жила одна и успела подзабыть – каково это: с кем-то быть заодно, ежедневно общаться и оказаться скованной цепью одной цели.

Пожалуй, ей это даже нравилось.

Иногда. В редкие минуты, когда эти дети не бесили ее своей безграничной наивностью и невероятным доверием ко всем попадающимся на пути людям.

Вспомнив об указывающей, сойка тяжело вздохнула, и ее пальцы сжались на шее все еще теплой курицы. Столь тощей, что на нее без слез не взглянешь – сплошные пестрые перья, под которыми лишь кости. Придется очень постараться, чтобы найти в ней хоть немного мяса.

Лавиани, навалившись всем телом, толкнула тяжеленную дверь трактира, и ее окутала густая волна тепла, запаха мясной похлебки и едкого, плохо сваренного пива. Сидевшие за столами постояльцы, застрявшие на этой стороне Мышиных гор, повернулись к ней, но, узнав, вновь занялись своими делами.

Точнее, бездельем, которое длилось уже не один день.

Отряхнув снег с плеч, сбив его с ботинок, сойка на ходу расстегнула деревянные пуговицы куртки. Хозяину надо было отдать должное, топил он исправно, на дрова не скупился.

На тесной кухне, кроме трактирщика, никого не обнаружилось – его жена и дочь были заняты в зале, а он дул пиво из старой поцарапанной кружки и помешивал баранью похлебку, облизывая губы.

Заметив незваную гостью, человек возмутился:

– Эй! Женщина! Тебе сюда нельзя!

Она бросила курицу на стол, заваленный мелким луком:

– Я нашла то, что искала.

Мужик узнал свою собственность, и его лицо начало наливаться краской.

– Совсем ошалела?! Кто разрешил тебе брать...

– Ты. – Сойка позволила себе холодную улыбку, и трактирщик поперхнулся от такой наглости. – Утром сам мне сказал – найдешь курицу, поговорим. Ну так я нашла. В твоём сарае.

– Убирайся! – рявкнул он. – Пошла вон из моего заведения! И свою подружку забирай! Ночуйте в сугробе!

Улыбку Лавиани как ветром сдуло. Она оказалась рядом, и ее стальные пальцы сжались на его плече прежде, чем тот понял, что происходит. Хозяин ахнул и скрючился от боли, встав едва ли не на четвереньки. Женщина склонилась над ним, не спеша ослаблять хватку, и негромко, обжигая дыханием, проворковала на ухо:

– Если я надавлю еще сильнее, то у тебя отнимутся ноги, жадная ты сволочь. Я бы предпочла этого не делать, потому что Скованный знает, на сколько дней застряла в дыре, которой ты владеешь. Но если ты не перестанешь грубить, клянусь всей тьмой нашего расколотого мира, я очень-очень-очень расстроюсь.

Человек простонал нечто непонятное.

– Я понимаю, что эта скелетина тебе дорога, но мне очень нужен бульон. И именно куриный. Поэтому принимайся за готовку и принеси его как можно скорее. Это понятно?

Вновь стон. Она позволила себе чуть разжать пальцы, но не настолько, чтобы он позвал на помощь или совершил еще какую-то глупость.

– За птицу заплачу. А если еще раз заикнешься о том, что вышвырнешь нас... Поверь, лучше тебе этого не делать. Ты даже не представляешь, сколько проблем можно огрести от такой мерзкой, ненормальной, сварливой бабы, как я.

Она положила перед его носом рен-марку, немного обрезанную по краям. Ей страшно не хотелось расставаться с монетой, но сейчас требовалось остаться здесь и избежать возможных неприятностей. Не из-за себя. Из-за Шерон. Забота о других никогда не была достоинством сойки, но теперь приходилось думать и об этом.

Трактирщик уставился на серебро, затем перевел взгляд на Лавиани.

– За птицу. И наше недопонимание. – Она сделала над собой усилие и улыбнулась, хотя ей больше всего хотелось сунуть его головой в котел с кипящей похлебкой.

Сукин сын испортил ей настроение на целый день.

Тот, кряхтя, встал, забрал монету, попробовал на зуб. Серьезно кивнул:

– Забыли. Сказала бы сразу, была бы тебе курица.

Ей хватило выдержки не напомнить тупоумному кретину, что она изначально предложила плату, но тот не воспринял ее всерьез.

– Бульон, – еще раз повторила Лавиани. – А затем углей в жаровню в нашей комнате. Моя спутница приболела после долгих дней в пути.

– Все будет. Дай время.

Она села за стол, провела рукавом по столешнице, на которой остались крошки от чужой трапезы, прислушиваясь к разговорам. Среди застрявших на этой стороне перевала были всякие – несколько молодых людей, путешествующих в Алагорию, пожилой воин, трое торговцев и какие-то фермеры. Утром прибыл гонец, продравшись сюда через непогоду из городка, расположенного ниже по тракту. Сейчас он восседал на высоком, едва заметно покачивающемся стуле, черпал ложкой мясную похлебку и в перерывах пересказывал последние слухи, отловленные им за время пути.

– В Горном герцогстве беда. Слышали, наверное, уже? Нет? Двое старших сыновей его милости найдены мертвыми.

– Карифское отродье, – проворчал сидевший слева от Лавиани купец, судя по черной кудрявой бороде, дагеварец.

Рассказчик услышал его, повернулся с усмешкой:

– Твоя страна не любит карифцев, любезнейший. Вечно змеи не в ладах с грифами¹.

– Герцогу гор не стоило брать в жены внучку Стилета Пустыни, Палача Эль-Аса и Убийцы сотен жен².

– Пф! – фыркнул седовласый воин, положив мозолистые руки на стол. – Семьдесят лет прошло, а вы в Дагеваре все еще вспоминаете ту войну. Сами полезли, сами получили по носу в Красных холмах³. Карифский герцог вернул вам долг за сожжение приграничных городов, только и всего. Я бы не советовал называть герцогиню такими словами. Живущие в горах бого-творяют эту женщину. Окажись они здесь, то оттащали бы тебя за бороду, не посмотрев на твой возраст.

Торговец нахмурился, но не стал спорить с кряжистым человеком, опоясанным мечом. Лишь поджал губы и отвернулся.

– Кто их убил? – спросил невысокий юноша, деливший маленькую комнату с шестью своими спутниками.

– Кто же знает, парень? – Гонец задумчиво облизал ложку. – Разное говорят. Кое-кто про заговор твердит. У благородных за этим не заржавеет. Режут они друг друга никак не меньше, чем простой люд. А герцог давно не в ладах со своим кузеном, который так и метит на Львиный трон. Кто-то о зимней стуже⁴ шепчет, мол, вновь появилась эта болезнь. Такая дрянь и взрослого мужика убьет, не говоря уже о детях. А кто-то и вовсе небылицы рассказывает. Мол, появились в покоях герцога шаутты, перебили гвардейцев и челядь, а детей выпотрошили. Лишь младший сын уцелел – он с отцом был в охотничьем замке.

– А герцогиня? – спросила дочь хозяина постоянного двора, перестав убирать со стола посуду.

– Про нее ничего не слышал, милая.

Торговец прошептал себе в бороду, что хорошо было бы, если бы карифку прикончили демоны. Но никто, кроме Лавиани, этого не услышал.

– Шаутты! – фыркнул тощий мужик в стертых сапогах, сидевший возле камина. – Чего сразу не Скованный?

– Зря смеешься, – серьезно сказал ему купец-дагеварец, вновь влезший в разговор. – Эти твари существуют.

– Ну да. Конечно, – скривился тот.

Воин посмотрел на мужика мрачно:

– Если ты не встречал заблудившегося, это не значит, что его нет. Загляни на Летос, поймешь, отчего жители ночами сидят по домам. Второй раз за месяц я слышу о шауттах. В Ириасте, говорят, они вырезали целую деревню. А на севере, на дорогах, видели мэлгов. Передовые отряды то и дело шастают по Накуну, в тысяче лиг от своих берлог.

– Мэлгов? Но ведь они много веков живут в Пустыни, – удивился юноша. – Рубеж незыблем.

– Рубеж незыблем лишь в твоих фантазиях, парень, – усмехнулся воин. – Граница растянута на сотни лиг. Отряды мэлгов порой проникают глубоко в наши земли. Просто здесь,

¹ Символ герцогства Дагевар – змея, а герцогства Кариф – гриф.

² Речь о герцоге Эш-Тали, опытном воине, расширившем свои владения в результате шести войн.

³ Битва в Красных холмах – сражение между Карифом и Дагеваром, в котором Эш-Тали отразил агрессию соседа и начал свое наступление, закончившееся резней в Эль-Асе.

⁴ Зимняя стужа – одна из болезней, появившихся после Катаклизма. Обычно возникает в самые суровые морозы, в диких краях, уничтожая целые деревни.

на западе, об этом мало задумываются. Все заняты другими делами. Кого интересует, как живут люди за Туманным лесом?

– Темные времена наступят. Помяните мое слово, – проронил гонец.

– Не каркай, – одернул его торговец.

– Рад бы. Да только война не за горами.

Лавиани не стала больше слушать и, когда трактирщик поставил на стол горячий горшок, забрала у него прихватки и отнесла еду в комнату на первом этаже, пройдя через зал, а затем по более холодному коридору.

В маленькой комнатухе на две узких кровати было гораздо теплее – здесь в жаровне мерцали угли. Шерон, укрытая парой одеял, спала, отвернувшись к стене. Лавиани достала из сумки травы, собранные еще до наступления холодов. Растерла между ладоней сухие листья, вдыхая пряный, чуть горьковатый аромат.

Она знала, что это поможет, и высыпала лекарство в бульон. Затем растолкала Шерон. Лицо той блестело от пота.

– Прости, я заснула, – прошептала она.

– Сон лечит. Так что хорошо, что ты поспала, – ровным голосом ответила сойка и протянула ей миску с бульоном. – Ешь.

Девушка сглотнула, и ее лицо побелело еще больше, когда она почувствовала запах еды.

– Кажется, мне сейчас будет хуже.

– Тебе будет хуже, если ты не сделаешь так, как я прошу. – Теперь Лавиани говорила жестко. – Это лихорадка. Надо лечиться. Выглядишь ты ужасно. Если хозяин вдруг решит, что у тебя нечто вроде зимней стужи, то нас выбросят на улицу всем трактиром. Люди боятся болезней, появившихся после Катаклизма.

– Это не стужа.

– Разумеется. Зрачки у тебя не голубые, а волосы не побелели. Но люди со страху разбиться не станут. Сейчас важно прогнать лихорадку. Пока ты не встанешь на ноги, мы не можем двигаться дальше. А значит, к Тиону ты точно не приблизишься.

Девушка с отвращением посмотрела на еду, но спорить не стала. Неохотно съела все, что было, несколько раз прерываясь, закрывая глаза и чувствуя подступающую тошноту.

– Молодец. А теперь спи, – сказала сойка, забирая опустевшую миску.

– Тэо. Он вернулся? – спросила указывающая, падая на подушку.

– Спи, – ответили ей, мягко толкнули в плечо, и Шерон провалилась в тяжелый сон.

На улице все так же мело. Ветер выл на открытых пространствах, и от тракта осталось одно воспоминание. Лавиани бежала в снегоступах, низко надвинув на лицо капюшон, но все равно то и дело порывы хлестали ее по обветренным губам. Был уже вечер, не самое лучшее время для того, чтобы покидать теплый трактир, но отсутствие акробата тревожило ее. Парень нарушил все сроки, застрял шаутт непонятно где, хотя до соседнего городка, куда он отправился, был всего лишь час пути.

За время путешествия на восток они проехали два герцогства и оказались у склонов Мышиных гор к концу месяца Василиска, на пороге долгой зимы. Не самая лучшая пора для тех, кто все время в дороге, но им не приходилось выбирать. Зимовать на одном месте не планировали – времени на такую роскошь у них не было.

Она вновь подумала о Тэо. Отвар из цветов, собранных на Талорисе, помогал ему, метка той стороны теперь росла куда медленнее, и его перестали мучить кошмары, но Лавиани видела, что болезнь никуда не делась. С каждым днем он шагал к тому, чтобы стать пустым.

И она врала даже себе о тех причинах, что заставили ее отправиться в дорогу со своими спутниками. Истинную и самую главную Лавиани знала, хотя и не желала о ней думать. Когда придет тот день и мальчик остановится на границе между светом и тьмой, ей надлежит

быть рядом. Чтобы оборвать его жизнь, не дать циркачу превратиться в чудовище и причинить много бед.

Снег теперь падал сплошной стеной, деревья вдоль запорошенной дороги скрылись из виду, а где-то далеко-далеко раздался волчий вой. Сойка ругнулась и ускорила темп.

Две темные фигуры, тяжело шедшие ей навстречу, она увидела неожиданно, едва не врезавшись в них. У людей на плечах лежали настоящие сугробы, а на ногах не было снегоступов, поэтому они то и дело проваливались в снег чуть ли не по колено. Было видно, что путники стараются не задерживаться, опередить ночь и дойти до жилья, пока не стемнело.

Ее голову привычно сдавил стальной обруч, а сознание обожгло волной ненависти.

– Шестеро тебя заberi! – сказал ближайший к ней, и сойка узнала голос акробата. – Откуда ты здесь?

Чувствуя одновременно злость из-за того, что за эти часы успела отвыкнуть от его присутствия, но и облегчение, что с ним не случилось ничего страшного, она буркнула:

– Рыба полосатая. Шла искать твой окоченевший труп. Где ты застрял?

– Снег, – коротко ответил тот. – Надеялся, что распогодится. Но больше ждать не стал, и мы пошли.

Это «мы» заставило ее перевести взгляд на незнакомца. меховая шапка была низко надвинута на его лоб, а нижняя часть лица замотана серым шарфом. Были видны лишь глаза – ярко-зеленые и смеющиеся, несмотря на не слишком приятную обстановку вокруг. Из-за плеча человека торчала рукоять полуторного меча. Именно по оружию она узнала, кто перед ней.

– Фламинго.

– Сиора помнит название моего клинка, – глухо сказали ей из-под шарфа.

– Сиора даже после смерти его не забудет, – довольно грубо ответила она. – Что ты здесь забыл, парень?

Тяжелый плащ с теплым барсучьим воротником, наброшенный поверх стеганой куртки, скрыл пожатие плечами:

– Накун за перевалом. Судя по рассказу Тэо, не мне одному хочется перейти горы.

Лавиани скрипнула зубами, ожгла акробата злым взглядом. Растрепал, заberi его шаутт! Вот чего уж она точно не переносила, так чтобы чужаки знали о ее планах.

Ни тот, ни другой словно не заметили недовольства женщины. Вновь завывали волки, и с запада им пришел ответ. Люди вслушивались в далекий вой, разлетающийся по зимнему лесу, несмотря на ветер. Затем Мильвио произнес:

– Стоит найти надежные стены. Если стая большая, то это серьезный вызов.

– Ну хоть у одного из вас есть мозги, – буркнула Лавиани. – Впрочем, я тороплюсь с оценкой умственных способностей. Какая причина не позволила вам воспользоваться снегоступами?

Тэо улыбнулся обветренными губами:

– Не нашли. Зато ты, как я посмотрю, где-то их раздобыла.

– Позаимствовала у какого-то олуха, – ничуть не смутившись, ответила сойка. – Если он не следит за своими вещами, отчего я должна беречь его собственность?

– Логично. – Ей почудилось, что мечник усмехается из-под шарфа. – К сожалению, на нашем пути не попало такого простофили. Давайте поспешим, пока снег не замел ваши следы, сиора.

– Сиора и без следов знает, куда идти. – Она опустила лицо так, чтобы снежинки не попадали ей на ресницы.

Они пробирались через белую стену метели больше часа, хотя в нормальную погоду до стоянки рукой было подать. Вновь завывали волки, уже близко, и тон их голосов изменился. За спиной сойки раздался мягкий шелест, меч Мильвио покинул ножны.

– Расслабься, мальчик, – бросила она ему через плечо.

– Что-то не так, – ответил он, пытаясь разглядеть происходящее сквозь свирепствующую метель. – Это не они гонят добычу. А их.

– Откуда ты знаешь?

– Встречал волков и прежде. Они испуганы и говорят об этом всем, кто способен их услышать.

Сойка вздохнула, повернулась к нему:

– Мы не волки. Мы люди. И почему меня должны волновать проблемы блохастых тварей? Пусть они хоть наизнанку вывернутся или откусят себе хвост – наша задача дойти до трактира. Моя задача. И вот этого циркача – уж точно. Если тебе с нами не по пути, оставайся и слушай их песни.

– Ты не понимаешь.

– Чего же? – участливо спросила она.

– Волки – хозяева этих лесов. Тигры живут южнее, рысь и медведь не могут заставить бежать целую стаю. Представь, что будет, если тот, кто охотится за ними, обратит внимание на нас?

Она представила. И ей это совершенно не понравилось. Шаутт знает, кто живет в предгорьях. Со времен Катаклизма развелось достаточно много тварей. Пускай они и редки, но, как говорится, никто не поручится, что не столкнешься с чем-нибудь подобным в один из не самых приятных дней своей жизни.

– Ну тогда, быть может, мы не будем стоять здесь и станем перебирать ногами живее?!

– Думаю, это разумно, сиор Мильвио, – сказал Тэо.

– Просто Мильвио, приятель, – попросил тот.

Они вновь двинулись вперед, теперь уже не задерживаясь, кляня про себя плохую погоду и то, что могло скрываться в ее сердце. Среди холода, наступающего мрака и бесконечной белой круговерти.

Теперь волки перекликались где-то севернее, постепенно уходя от тракта. Но даже Лавиани была рада, когда наконец впереди показалась каменная ограда. Снегоступы она скинула одним движением возле двери трактира и тут же закопала их в снег, под осуждающим взглядом акробата.

Мильвио уже был внутри. Он осматривал зал, сняв шарф, и сойка увидела, что его подбородок и щеки заросли трехдневной щетиной.

С кухни выплынул хозяин, и мечник пошел договариваться о комнате, на прощанье пожав Тэо руку и дружелюбно кивнув женщине. Та проигнорировала его, взяла акробата за плечо, потянула за собой, отведя в самый темный угол.

– Где, шаутт побери, ты его нашел?! – прошипела она.

– Встретил в городе. Ты что-то имеешь против?

– А то! Какой тьмы столь внезапная встреча? Мы видели его в последний раз на Летосе, и вот он снова рядом.

– Успокойся. Люди имеют такое свойство – встречаться друг с другом. Случайно. Поверь человеку, который всю жизнь провел в дороге. Он не первый и не последний.

Она поглядела на него, точно на неразумного ребенка, понизив голос до шепота:

– Поверь человеку, который всю жизнь провел среди Ночного Клана. Подобные встречи подозрительны.

– Твоя осторожность...

– Не раз спасала мне жизнь! – перебила его Лавиани. – Я не доверяю этому парню.

– Есть причина? Хотя одна?

– Нет. И что с того?

– Ты и мне не доверяла, – напомнил он ей. – И Шерон. Это дело привычное. У него нет повода преследовать нас. Охотники за головами потеряли ко мне интерес после того, как кто-

то убил Эрбетов. Нет нанимателя, нет и денег. Ты сама говорила мне об этом месяц назад, как только до нас дошли новости. Или думаешь, что он из Ночного Клана и ищет тебя? Ты так и не рассказала, почему твои друзья охотятся...

Циркач охнул и прервался, когда ее палец болезненно ткнул его куда-то под грудину.

– Может, не надо подробностей? Тем более ты все равно ничего о них не знаешь, – мило проворковала она. – Он не из Пубира. Тут ты прав. Но все равно чужаки – к беде.

Тэо, понимая, что не сможет переубедить ее, устало вздохнул.

– Проще научить мэлга питаться одной лишь травой, чем переспорить женщину.

– Как он тебя нашел?

– Никак. Я его первым увидел.

– Ясно. – Сойка немного подумала. – И конечно же твое наивное дружелюбие не подсказало ничего умнее, чем подойти и поздороваться. Очень похоже на тебя. Надеюсь, через пару дней каждый из нас отправится своей дорогой, и ты с большим удовольствием скажешь мне, как я заблуждалась. Тебе удалось достать, что я просила?

– Да. Когда аптекарь увидел список, он смотрел на меня странно. Почему?

– У него бы спросил. – Она забрала несколько упаковок, перетянутых бечевкой. – Я же не могу залезть в голову человеку, который от меня за лигу, и не имею ни малейшего понятия, что он там подумал. Но, например, если смешать это и это в теплой воде, то ложкой подобной дряни можно отравить весь трактир.

Тэо нахмурился:

– И ты собираешься этим лечить Шерон?

– Расслабься, мальчик. Я знаю пропорции и сочетания. Это точно поставит ее на ноги в ближайшие дни. Ты молодец, что добыл лекарства. А остальное мне понадобится для других дел.

– Вот как? – Он с подозрением сощурился. – Надеюсь, это не будет таким же сюрпризом, как то, что ты сотворила на прошлой неделе?

Она уставилась на него, не понимая, о чем он говорит, затем, догадавшись, кисло проронила:

– Ну да, я совершила ошибку.

– И довольно опасную.

– Нам нужны были деньги, а у этого благородного чванливого капустного кочана их было с избытком.

– Именно поэтому его люди переворошили весь город в поисках тебя.

– Ничего бы они не нашли, – отмахнулась женщина.

– Прячась по твоей милости, мы потеряли дни и успели к горам лишь к началу снегопадов. Но уже хорошо, что ты признаешь эту самую «ошибку».

Она подалась к нему, весело ухмыльнувшись:

– Не выдавай желаемое за действительное, мальчик. Моя ошибка не в том, что я позаимствовала денег у того, у кого их и так с избытком. Я прокололась лишь в том, что оставила его в живых. Мертвецы не охотятся за своими золотыми марками.

– Ты не перестаешь меня удивлять, – покачал головой Тэо.

– Даже не знаю, как воспринять твои слова. То ли как комплимент, то ли как недовольство моим существованием. – Говоря это, она следила за Мильвио, который в этот самый момент скидывал с плеч тяжелый плащ. – От тебя у меня жутко разболелась голова. Проваливай спать. А мне надо еще смешать лекарство и влить его в девочку, если, конечно, мы действительно хотим найти вашего Тиона.

Была глубокая ночь, огонь в жаровне ослабел, прижался к мерцающим углям и потерял большую часть тепла. Его рубиновые отсветы лежали на грубом дощатом полу и части ближайшей кровати, а дальше в остывающей комнате властвовала тьма.

Лавиани, забившись в угол, набросив на плечи куртку, слушала ровное дыхание указывающей. Та, получив дозу снадобья, спала здоровым сном. В середине ночи сойка, негромко ворча, сняла с так и не проснувшейся девушки промокшую от пота одежду, завернула в сухую простыню, накрыв несколькими одеялами.

Если бы нашелся тот, кто захотел бы поспорить, то женщина готова была поставить свой нож на то, что к утру Шерон будет в двух шагах от того, чтобы отправиться в путь.

Лавиани чувствовала присутствие Тэо, он находился в соседней комнате, за стеной, но ее способности говорили ей о нем редкими уколами в сердце и едва слышным шепотом, появляющимся, стоило ей лишь ослабить волю.

«Убей, убей, убей».

Метка той стороны на лопатке акробата была для нее такой же раздражающей дрянью, как шуршание мыши для кошки. Хочешь не хочешь, а все инстинкты требуют действий.

Причем немедленных.

Она видела, как парень изменился за эти месяцы. Он меньше улыбался, больше хмурился, и, хоть легкость не покинула его тело, было заметно, как участь пустого тяготит его.

За стеной не переставая выл ветер и бесновалась выюга.

Краем глаза женщина заметила нечто странное, повернулась, посмотрела на жаровню. Она не отрывала от нее взгляда больше минуты, затем это произошло вновь – несколько белых бликов на мерцающих рубином углях.

Через секунду она была готова поклясться, что слышала ослабленный расстоянием и непогодой крик. Быстро подошла к крохотному окошку, стараясь разглядеть, что творится на улице.

Почти сразу же по коридору кто-то прошел – скрипнула половица. Женщина выглянула за дверь.

Светловолосый треттинец стоял возле входа в общий зал, удерживая в руке обнаженный меч. Он чуть склонил голову, точно большая собака, вслушиваясь, и, сделав шаг, скрылся из ее поля зрения.

Она услышала, как скрипнули петли, и внутрь помещения на мгновение ворвался холодный ветер.

Пальцы Лавиани начали застегивать деревянные пуговицы на куртке и затягивать кожаные завязки. Подхватив лежащее под ногами копьё, она выскользнула на улицу, плотно прикрыв за собой дверь и надеясь, что никто из семьи трактирщика не проснется и не поставит засов на место до тех пор, пока она не вернется.

Несколько мгновений ее глаза привыкали к ночи, начав различать стальные, свинцовые, серебряные и антрацитовые оттенки. Следы человека – темные пятна чернил на матовых оловянных холмах снега – цепочкой уходили за хозяйственные постройки, туда, где начинался тракт и лес.

– Рыба полосатая, – прошептали ее губы.

Сойке потребовалось несколько мгновений, чтобы отрыть снегоступы и сунуть в них ноги, затянув ремни. Она побежала сквозь серебряные стальные чешуйки снежинок, сотнями падающих перед ней. Выглянула из-за угла сарая, скрипнула зубами.

На заметенном, холодном тракте вокруг разорванных трупов кружили тени. Она была далека от того, чтобы влезать в дела незнакомца. К тому же тот все равно опоздал. Двоим людям, которых порвала волчья стая, уже ничем не поможешь.

Семеро крупных, матерых зверей были заняты мертвецами, пожирая все еще горячую плоть, и лишь один отвлекся на мечника. Он прыгнул на Мильвио быстро, стремительно, и бастард, описав широкую дугу, разрубил волка на две половины.

Напавший на человека не издал ни звука, но верхняя половина тела все еще раскрывала пасть, щелкая челюстью. Остальные волки подняли испачканные кровью морды, повернулись к треттинцу. Парню в ближайшие несколько минут придется несладко. Особенно если учитывать, что он стоит по колено в снегу, а значит, движения его скованны. И одновременного нападения с нескольких сторон не переживет даже этот улыбающийся полудурок, рискнувший выбраться наружу из безопасного трактира.

– Рыба полосатая. Ты об этом еще пожалеешь, – сказала она, сложила губы и негромко свистнула.

Двое волков тут же бросились в ее сторону. А затем, помешкав несколько мгновений, следом за товарищами кинулся третий.

Сойка отступила назад, за сарай, покрепче сжав копьё. Мелькнула тень, зверь выскочил прямо на нее и грудью напоролся на наконечник. Зверюга оказалась тяжелой, и удар едва не сбил ее с ног. Женщина потянула древко на себя, одновременно проворачивая, сбрасывая с клинка лохматое тело в сугроб.

Второй волк растянулся в прыжке, метая ей в горло. Лавиани пригнулась, пропуская его над собой, в последнее мгновение ткнув копьём вверх, распарывая живот. Зверь упал, взметнув снег во все стороны.

На снегоступах, очень ловко, женщина отскочила к стене, и третий противник пролетел мимо и напал... одновременно с первым.

– Скованный вас заберите! – В ее возгласе было больше удивления, чем злости.

В скоротечной горячке схватки она даже не заметила, что крови на снегу и на наконечнике копья практически нет, а волчьи глаза блеклые и пустые.

Мертвые.

Третий волк, с распоротым животом, с волочащимися за ним потрохами, выбирался из сугроба.

Она выставила перед собой копьё, спиной прижавшись к стене. Страшный зверь напал, целясь в лицо, и она с криком проткнула его насквозь, пригвоздив к доскам. Прыжок второго волка отбила ногой, попав в голову, сломав снегоступ. Тут же выхватила из-под куртки нож, сама прыгнула вперед, обрушилась на мертвеца сверху, запустив пальцы левой руки глубоко в загривок, фиксируя так, чтобы клацающие челюсти не могли до нее дотянуться.

Краем глаза отмечая, где находится волк с выпущенными кишками, она взялась за работу, разумно полагая, что мертвец без головы даже если и останется «жив», то хотя бы не сможет кусаться.

Она «разделала» зверя в несколько движений – полотно даже не задержалось на позвонках, пройдя сквозь них, точно мэлг через десяток ополченцев Рубежа.

Сойка отбросила башку в сторону, шагнула, и правая нога со сломанным снегоступом провалилась в снег по колено.

Она выругалась, рванула ремни левого, снимая его, не желая ковылять, точно подстреленная курица, и в этот момент нечто врезалось ей в спину, рвануло плотную куртку так, что затрещала кожа и мех. Лавиани не удержалась на ногах, упала лицом в снег, выронив нож. Лишь успела про себя отметить, что волк с распоротым животом прополз почти все расстояние до нее.

Но сейчас было не до него. Тот, четвертый, который появился настолько внезапно, был намного опаснее.

Женщина втянула голову в плечи, прижала подбородок к груди, напрягла руки, подбросила себя в воздух вместе с тушей волка, продолжавшего бездумно рвать на ней куртку.

– Замри, сиора! – раздался над ней голос, и она застыла, подчиняясь приказу, подумав, в какой дурацкой позе сейчас находится и как над ней ржал бы весь Пьяный квартал Пубира, если бы хоть кто-то увидел, что страшная сойка с перекошенной рожой стоит на карачках.

Удар меча снес волка с ее спины. Мильвио перепрыгнул через Лавиани, перерубил лапы твари с распоротым животом. Женщина откатилась в сторону и стала шарить голыми руками в ледяной белой крупе.

– Это ищешь? – Мечник протянул ее нож.

Лавиани молча забрала оружие, повернулась к припиленному копьём зверю, ощущая холодный ветер, обжигающий спину из-за разорванной куртки.

– Надо прибить гадину, Фламинго.

Мертвый зверь беззвучно рвался, разевая пасть и пытаясь дотянуться до людей.

– Я разберусь с ним, сиора. – Мильвио перехватил меч для нисходящего удара, но он не понадобился.

Сойка ощутила, как разлитое в воздухе напряжение лопнуло, точно перетянутая струна, и в ту же секунду волк дернулся и затих. Сила, заставлявшая его «жить», ушла.

– Мир катится в пропасть. Шаутты бродят по пустынным дорогам, а мертвые оживают, – задумчиво произнес треттинец. – Я думал, что мифы остались на Летосе.

– Не ты один. – Она взялась за древко, с силой провернула его, вырывая из досок и сбрасывая тело в снег. – Вечером ты говорил, что за стаей гнались. Судя по тому, что я вижу, их догнали.

– Нет, – возразил Мильвио. – Это другие. Тела старые. И давно лежали, пока кто-то не поднял из-под снега.

– Кто-то? Не ищи причину в людях, мальчик, – с деланой беспечностью отмахнулась сойка. – Это очередное дыхание Катаклизма.

Мильвио покачал головой.

– Катаклизм – это когда оживают умершие ночью люди и горит синее пламя. – На его волосы падали крупные снежинки, но он словно не замечал этого. – Я видел белый огонь на свече.

Она дернула плечом, досадуя на весь мир, но все еще продолжала улыбаться:

– Чего только не покажется в полночь.

– Легенды говорят, что белое пламя указывает на присутствие некроманта, сиора.

Она рассмеялась и понадеялась, что это выглядит не фальшиво:

– Тебе стоит заглянуть под свою кровать, мальчик. Вдруг он там лежит в обнимку с каким-нибудь шауттом.

Но тот даже не улыбнулся:

– Тэо сказал, что Шерон с вами.

Лавиани все еще растягивала губы и старалась быть вежливой:

– На что ты намекаешь, Фламинго?

Он тяжело вздохнул, посмотрел на собеседницу со странной печалью:

– Она указывающая. А значит, потомок тех, кто правил мертвыми. Я буду молчать. Но она должна знать. Ты понимаешь?

– Знать что? – с вызовом спросила та, все еще не решив для себя, ткнуть человека копьём под подбородок или не спешить.

– Шерон должна быть в курсе того, что произошло. – Мильвио, словно не замечая ее напряжения, положил меч на плечо.

– Девочка здесь вообще ни при чем. Заруби себе это на носу. Указывающие спасают людей от мертвых, но не поднимают их.

Его зеленые глаза сейчас казались темнее ночи, что их окружала.

– Скажи ей, – произнес он, отвернувшись, и опустил меч на труп волка, отрубая тому голову.

Мгновение она смотрела на его беззащитную спину, затем плюнула и пошла прочь. К трактиру.

Угли в камине зала едва тлели. Лавиани кинула в него несколько березовых поленьев, стянула с себя куртку, села за ближайший стол, с остервенением выругалась, разглядывая рваную дыру на спине. Просто чудо, что ей не вырвали позвоночник.

Тихо отворилась дверь, стукнул засов. Мильвио подошел к ней, ссыпал с ладони на стол волчьи зубы и ответил на ее непонимающий взгляд:

– У некоторых родов Треттини есть поверье, что волки, забирая человеческую жизнь, не дают душе попасть на ту сторону. Тогда она сама превращается в зверя и мечется по лесам в поисках припозднившихся путников. Так что считается, что тот, кто спас тебя от волка, подарил вторую жизнь душе. Стал почти что родственником. Такому человеку отдают волчьи зубы.

– Родственником? Не собираюсь становиться твоей доброй тетушкой, – буркнула та. – Да и помощь тебе моя не нужна была. Сам бы справился.

– С живыми, возможно. Но мертвые... – Он покачал головой. – Твоя чиэтта оказалась не лишней, сиора.

– Что? – не поняла та.

Мильвио кивнул на короткое копье:

– Чиэтта. Довольно редкое оружие. Доброй ночи, сиора.

– Эй! – возмутилась она. – Что мне делать с клыками?

Мечник посмотрел на нее с иронией:

– Не имею ни малейшего понятия, как ты должна с ними поступить. Хочешь, сделай из них ожерелье.

Лавиани уставилась на него с явным желанием прожечь дыру:

– Я что, похожа на ту, кто носит ожерелья, Фламинго? На кой шаутт мне зубы мертвых псин? Разве я могу на них купить себе новую куртку?

Он лишь обезоруживающе улыбнулся и ушел.

– Так я и думала. – Сойка вновь надела рваную одежду.

Она планировала избавиться от трупов. Оттащить их подальше в лес. Лишний переполох утром, а значит, и лишнее внимание к ней совершенно ни к чему. Оставалось надеяться, что южанин не станет болтать за завтраком о случившемся.

Уже с порога она вернулась и, собрав разбросанные по столу волчьи клыки, убрала их в карман.

Глава третья

Ловчие

*Они приходят с туманом и снегом. В дни, когда их не ждешь,
с кровью и за кровью для тех, кто дремлет в горах.
Древняя легенда герцогства Тараиш*

Ей снилась залитая светом долина с высокой, шелковистой, ярко-зеленой сочной травой. Такой высокой, что она видела лишь небо да ослепительно-белый диск солнца.

Где-то далеко монотонно и умиротворяюще журчала вода. Должно быть, там протекал прыгающий по перекатам ручей. В воздухе гудели шмели, и нет-нет перед глазами пролетали ярко-голубые бабочки, крылышки которых сверкали металлическим блеском.

Она не знала, как сюда попала. И ей было все равно. Лежала на спине, лишенная рук и ног, и больше всего на свете хотела есть. Голод ножом резал пустой желудок, боль в нем нарастала, а затем перепрыгнула на позвоночник, заставив вскрикнуть. Тонко, жалобно и совершенно беззвучно – у девушки не было ни ушей, ни рта, и ее вопль никто не услышал.

Боль между тем выкручивала позвонки, выдирала их один за другим, а после дробила в мелкое крошево. Она потянулась через огонь, собиравшийся в ее животе, словно талая вода, заставляя слепо шарить где-то *там*, пытаясь найти хоть какое-то подходящее тело. Все дальше и дальше. За ручей, высокую траву, гладкие мшистые камни и низкие деревья, нависающие над ручьем.

Внезапно она коснулась снега. Холодного, колючего, острого, точно прибрежные камни. Сверху он казался пушистым, но стоило зарыться чуть глубже, и наст, припорошенный недавней метелью, был твердым, точно алмаз.

Тело, которое она нашла, лежало и тут и там. Оно оказалось многочисленно, могло двигаться, а значит, найти ей еду. У него было множество глаз, и девушка смотрела ими на угольные столбы заснеженных деревьев, на молочные холмы, на сыплющиеся с неба снежинки.

Наконец-то можно было избавиться от оков неподвижности и нестись вперед множеством себя. Насладиться свободой. Жизнью.

И так продолжалось до тех пор, пока она не догадалась посмотреть на себя со стороны. На седовласые загривки, на оскаленные пасти, на глаза – матовые, отталкивающие, мертвые. И в этот самый миг, ужаснувшись содеянным, указывающая потеряла контроль над своими телами.

На лицо упало нечто затхлое, закрывшее глаза. Теперь кто-то другой бежал вместо нее, несясь вперед, выискивая уже не еду, а добычу. Она боролась с ним так долго, что почти лишилась всех сил. Этот некто был яростен, зол и голоден.

Но не так, как Шерон.

Он голодал от желания убивать и жаждал пожрать любого, кто окажется у него на пути. Вгрызться в плоть мертвыми зубами и вырасти в нечто более опасное и крупное. Этого нельзя было допустить, и поэтому, сосредоточившись, она нанесла один-единственный удар, перерубая связь со своим многолапым телом.

А затем вокруг наступила тьма. Закружила ее и бросила в забвение.

Серый рассвет стучался в ледяное окно, заглядывал в полутемную комнату, опережая солнце. Шерон несколько секунд изучала низкий потолок, потом приподнялась на локте. Голова после сна была тяжелой.

Лавиани не спала, сидела на соседней кровати, забравшись на нее с ногами, и не спускала с девушки глаз.

– Можно воды? – попросила указывающая, но вместо слов из горла вырвалось какое-то хриплое карканье.

Сойка поняла просьбу, взяла со стола кружку с остывшим отваром. Шерон делала осторожные глотки, не понимая, отчего подрагивают пальцы.

– Ты металась во сне.

– Должно быть, кошмар. – Девушка вернула опустевшую кружку.

– Помнишь его?

Она закрыла глаза, сосредоточилась, но в голове была лишь вязкая пустота.

– Нет. А это важно?

Лавиани помедлила с ответом, слушая, как мимо двери по коридору идет кто-то из проснувшихся постояльцев.

– Ночью огонь горел белым.

Шерон нахмурила красивые брови.

– Уверена? Вот таким цветом? – Ее левое запястье на несколько секунд охватило едва видимое белое сияние – бледный признак ее дара.

– Да.

Мгновение девушка медлила с вопросом:

– Хочешь сказать, что это из-за меня?

Лавиани вздохнула:

– Думаю, в этом трактире лишь один некромант, девочка.

– Не называй меня так.

Сойка пожала плечами:

– Указывающая, некромант. Не все ли равно? Важно, что ты та, кто ты есть. И ночью потеряла контроль над своими способностями. По счастью, в такой час не спала только я, иначе бы весь постоянный двор уже стоял на ушах. Часто с тобой такое случается?

Шерон покачала головой:

– Я всегда держу способности в узде. Ни разу за всю мою жизнь огонь не горел белым, пока я спала. Мне бы обязательно сказали.

– Ну вот я тебе и говорю, – усмехнулась та, и Шерон почувствовало, что усмешка вымученная. – Это может быть связано с Талорисом?

– Возможно, – признала Шерон. – После того как я смогла коснуться заблокированного дара и убить шаутта, чувствую себя не слишком хорошо. Болезнь... Со мной такое уже случалось. В юности. Молодым указывающим требуется время, чтобы сжиться с проснувшимся даром.

– Хочешь сказать, что после Талориса у тебя появились новые способности? Новый дар?

– Нет. Все как прежде. У меня столько же сил, такие же умения. Не с чего хворать.

– Как ты себя чувствуешь сейчас?

– Гораздо лучше.

Лавиани села рядом, положила ладонь на лоб девушки, закрывая глаза. Шерон знала, что та делает – лечит и проверяет, все ли с ней в порядке. Указывающей очень хотелось узнать об этой части умений тех, кого когда-то называли таувинами, но сойка лишь отделялась какими-то общими словами или же и вовсе рычала да просила оставить ее в покое.

– Ты идешь на поправку, девочка, – наконец произнесла Лавиани, отстраняясь. – Уже завтра, если все будет так же хорошо, сможем продолжить путь.

Только сейчас Шерон поняла, что не слышит воя ветра за окном.

– Погода улучшается?

– Да. Если повезет – пройдем перевал. У меня уже в печенках этот снег, и на той стороне гор окунемся в весну. Год, подходящий для капризов Катаклизма. Большая часть востока сплошные леса, пустоши да дикий край. Неплохие места, если честно. Мало людей.

Девушку насторожил этот беззаботный тон. Обычно Лавиани не была настроена позитивно. Поэтому Шерон спросила тихо, но твердо:

– Что-то случилось?

Собеседница пару мгновений смотрела ей в глаза, затем признала:

– Ночью ты подняла мертвых волков. Целую стаю.

Указывающая подтянула колени к груди, усаживаясь поудобнее.

– Если бы я знала тебя чуть хуже, то сочла бы, что ты шутишь. Но на такую удачу мне рассчитывать не приходится. Ведь так?

– Так. Шутки у меня обычно выходят плохие.

– Значит, волки. Мертвые. – Она попробовала это слово на вкус и ощутила на языке пепел. Просто отвратительная новость. – Сколько их было?

– Семеро.

– Немало. Кто-нибудь пострадал?

– Никто, кроме моей куртки, – не моргнув глазом ответила сойка. – Я справились с ними.

– Хорошо. – Шерон пальцами потеряла виски. – А тела?

– Оттащила к лесу, чтобы не волновать народ. Так что никто не задаст никаких вопросов.

Но тебе стоит подумать, что может случиться в будущем. Особенно если поблизости будет не мертвый волк, а человек. Не хотелось бы, чтобы под боком завелся заблудившийся.

– Заблудившиеся – это проявления магии той стороны, оставшейся после Катаклизма. Они встречаются только на Летосе. Здесь – что-то другое.

Лавиани фыркнула:

– Ага. Другое. Проявление *твоей* магии. Но поверь, девочка, простому человеку без разницы, какой сорт поднявшихся мертвецов будет его жрать. Поэтому ты уж постарайся не допустить столь печального события.

– Если бы еще я знала, как это сделать.

– О, это проще некуда. Ты либо должна не спать, либо просыпаться, либо научиться контролировать свой разгулявшийся талант. Пойду принесу еще кипятка.

– Не все так просто.

– А разве я собиралась тебя обнадеживать?

– Постой! – окликнула ее Шерон. – Ночью точно никто не пострадал?

Сойка посмотрела на спутницу с нескрываемым раздражением:

– Клянусь своим завтраком. А теперь хватит волноваться по пустякам, и дай мне поставить тебя на ноги.

Летос был ее домом, и земли, находящиеся за морем Мертвецов, она всегда воспринимала как что-то само собой разумеющееся. Знала, что они огромны и разнообразны. Но одно дело знать и понимать, что никогда не покинешь родные острова, а другое – оказаться на материке и самой все увидеть.

После маленького герцогства, где каждая тропа, каждый фьорд, каждая сопка были известны, где в деревнях и городах все друг с другом знакомы, мир, в котором оказалась Шерон, оглушил ее. Бесконечные поля и леса, широкие реки, города с высокими домами, озера с хрустальной водой, скрывавшей под собой древние поселения, и дороги, петляющие среди высоченных снежных гор.

Но самым удивительным открытием оказались люди.

В Нимаде редко появлялись жители материка, а если кто и приплывал, то чаще всего оказывался уроженцем Варена. В путешествии Шерон повстречала мужчин и женщин из совершенно разных герцогств. Конечно, чаще всего это были северяне, но нет-нет на тракте или в придорожном трактире оказывались и жители южных герцогств. Их она рассматривала с нескрываемым интересом.

Улыбчивые соланцы с золотистой, как у Тэо, радужкой, стройные и мускулистые. Смуглые карифцы, тонкокостные, с хищными лицами и витиеватой речью. Высокие, рыхлеющие с возрастом бородатые дагеварцы, грубые и чванливые. Скуластые мутцы с раскосыми, похожими цветом на спелую вишню глазами. Удивительно светловолосые, высоченные и широкоплечие для жителей юга треттинцы. Такие же, как Мильвио, – вежливые и обходительные. Ей повезло, и она даже увидела одного из жителей Черной земли – губастого, заросшего кудрявой бородой, с волосами, собранными в косички, с кожей цвета древесного угля и необычными кольцами в носу и ушах. На него глазела не только она, но и многие другие прохожие.

Лавиани лишь смеялась, наблюдая за потрясенной Шерон.

– Твое любопытство видно невооруженным взглядом, девочка. Ты как ребенок, которого до совершеннолетия держали в подвале и теперь выпустили на задний двор, и он увидел свинью.

– Ты не понимаешь. Столько разных людей...

– Людей! – отмахнулась сойка. – На севере их считай что и нет. Весто, который тебя так поразил, по сравнению с той же Рионой не город, а деревня. Север пуст, девочка. Вспомни сама, порой мы за неделю на тракте никого не встречали. Переходы между селами по пять дней, вокруг сплошные леса, пустоши да осколки из прошлого. Катаклизм развалил Единое королевство на части, и северу, где происходили основные бои между великими волшебниками, досталось больше всего. Даже спустя тысячу лет мы не оправились от той катастрофы. Не живем, а выживаем.

– На юге не так?

Сойка на этот вопрос цокнула языком:

– Шаутт его знает, если честно. С одной стороны, все не так уж и плохо. Море, солнце, толпы народу, еда, вода, почти нет чудовищ. Разумеется, если не залезать в дикие места. Но там своих проблем хватает. Жесткие властители, жестокие войны, болезни, которых нет здесь. Ворье и убийцы. Мир вообще та еще выгребная яма. Наслаждаться им могут лишь наивные дети. Такие, как ты. И наш ловкий друг.

Шерон и не отрицала этого. С жадностью ребенка, дорвавшегося до сладостей, она изучала новый огромный мир, раскинувшийся подле ее ног. Так сильно не похожий на родину. Он был масштабнее, бесконечнее, необычнее. И в нем то и дело приходилось сталкиваться с вещами, которые казались ей непривычными.

Ночь здесь была совсем на другом счету. Да, под светом луны порой происходили странные или даже страшные вещи, но это не мешало путникам проводить время под открытым небом, ходить по городским, плохо освещенным улицам и засиживаться в тавернах за бокалом пива. Никто не запирали старых родственников на ночь в отдельных комнатах, никто не боялся тех, кто умер ночью.

И никто не зажигал фонари.

Это смущало ее, хотя она понимала, что опасности нет. Но правило, что огонь должен гореть все темное время суток, слишком сильно въелось в ее кости. Первую неделю девушка просто не могла спать до самого рассвета, чутко прислушиваясь к любому шороху. В конце концов она нашла выход из положения – зажигала на ночь свечу и смотрела на маленький теплый огонек до тех пор, пока не слипались веки.

С пламенем, которое было рядом, Шерон чувствовала себя в безопасности. Тэо отнесся к этому с пониманием, а Лавиани конечно же не преминула заметить:

– Знала я одну девицу. Ее пьяный папаша избивал до черных синяков. Так вот, единственное место, где от него можно было спрятаться, – под кроватью. Она скрывалась там годами и, когда выросла, могла заснуть только под ней.

– Не тебе меня осуждать, – нахмурилась девушка.

– Осуждать? Полно. Я просто рассказываю историю о том, что заложенное в нас в детстве забавно отзывается в зрелом возрасте. Тебе нужен огонек, и, даже если он и загорится синим, ты этого не увидишь, так как будешь спать. А той девочке нужен был укромный угол, где ее не достал бы давно сдохший от кислого вина отец. Кстати говоря, в одну из ночей эта привычка спасла ей жизнь.

– Как? – удивился Тэо.

– Убийцы дали ей шанс, – рассмеялась сойка, и акробат с указывающей поняли, что Лавиани рассказывает о ком-то из Ночного Клана. – Проткнули одеяло, под которым никого не было, и завопили, когда она подрезала им сухожилия над пятками из своего логова.

Вспоминая все это, Шерон стояла, кутаясь в теплую шаль, и смотрела в распахнутое окно на дымчатые горы и ползущие над ними, то и дело застревающие у вершин тяжелые облака. Снег, лежащий на земле, казался серым, и в воздухе явственно пахло весной, до которой было еще три долгих месяца.

Она слышала, как открылась дверь, и с улыбкой обернулась, прогоняя с лица тревожное выражение. Акробат, на плече которого висел набитый вещмешок, спросил негромко:

– Ты уверена, что готова отправляться?

– Болезнь прошла, и я не хочу задерживаться дольше, чем это требуется. Мы и так потеряли время.

Пружина вздохнул, сунул теплые перчатки себе за пояс:

– Поверь... Тион, если он еще существует, от нас не убежит. Все равно мы не знаем, где точно его искать. А вот твое здоровье – это важно. Лавиани уверяет, что поставила тебя на ноги...

– Мальчик, чем дольше метка той стороны у тебя на спине, тем большим скептиком ты становишься. – Мрачная сойка выглянула из коридора.

– Ты знаешь, как бывает с лихорадками. Порой они возвращаются через несколько дней. И становится еще хуже, чем прежде.

Она фыркнула:

– Объясни ему, что у тебя была за лихорадка, девочка! Жду вас внизу через пять минут. И если вы провозитесь хотя бы на секунду дольше, клянусь Скованным, я никуда сегодня не пойду и лучше останусь здесь еще на день, чтобы доставать хозяина этой дыры. Хотя какое-то развлечение.

Лавиани, посмеиваясь, отправилась прочь.

– Это была необычная болезнь, Тэо. Во всяком случае, я так предполагаю.

Он молчал, ничего не спрашивая и ожидая продолжения.

– Возможно, все случилось из-за моего дара. Предполагаю, что после Талориса в нем что-то изменилось. День назад я смогла поднять мертвых.

Акробат недоверчиво покосился на нее:

– Ты шутишь? Такого не было со времен Катаклизма. Хочешь сказать, что в тебе пробудился дар настоящего некроманта?

Девушка печально улыбнулась:

– Я и есть настоящий некромант, хотя и не люблю, когда Лавиани так меня называет. Она никогда не дает мне забыть об этом. Говорят, Тион, когда отпустил колдунов из темницы Скованного, усыпил их самые опасные способности. Осталось лишь то, чем владеют указывающие. Мы веками уничтожали мертвых, а не создавали их.

– А теперь эти способности в тебе проснулись.

– Возможно, лишь одна. И пока я не знаю, когда она пробуждается и как ее контролировать. Ты должен знать об этом. Потому что подобный... дар, – слово ей не понравилось, но Шерон не нашла более подходящего, – может быть опасен.

– Опаснее пустого рядом с тобой? – Пружина рассмеялся, взъерошив свои непослушные волосы. – Не волнуйся, указывающая. Я не отступлю и не оставлю тебя.

– Даже если я чудовище? – вздохнув, спросила девушка.

Тэо подхватил ее сумку, накиннул лямку на свободное плечо и ответил неожиданно серьезно:

– Ты не чудовище и никогда им не станешь. Даже если сможешь поднять целое кладбище. Кто угодно, но только не ты. Пойдем, а то Лавиани действительно осуществит свою угрозу.

Шерон согласно кивнула, стала закрывать окно и замерла, нахмурившись:

– Туман поднимается.

Тэо выглянул из-за ее плеча и увидел, как со стороны гор, постепенно захватывая зимний лес, накатывают опустившиеся к самой земле облака.

– Асторэ и все их тени. Погода снова портится.

В общем зале было многолюдно – со стороны города пришел обоз, и путники отдыхали перед завершающим отрезком пути к перевалу. Трактирщик и его семья суетились, обслуживая столы, гомон стоял такой, что хоть кричи.

Тэо нашел глазами недовольную Лавиани, в новой, только вчера купленной у какого-то тарашийца куртке. Она стояла, опираясь на обернутое в тряпки копьё, сейчас казавшееся коротким дорожным посохом, и с раздражением поглядывала на людей.

– Все?

– Надо расплатиться, – напомнил ей акробат, сунув руку в карман.

Лавиани буркнула что-то о том, что можно было бы и так свалить, благо денег оставлено здесь вполне достаточно, но спорить не стала.

– Давай быстрее, мальчик. Утро скоро закончится, а идти нам больше восьми часов.

Пока он ходил, Шерон увидела среди этой толпы знакомое лицо.

– Поверить не могу! – Она услышала за спиной негромкое ругательство Лавиани. – Мильвио! Вы ли это?!

Он поднял глаза от лежавшей перед ним карты, узнал девушку, лучезарно улыбнулся, вставая со своего места:

– Сиора! Я рад встрече. Тэо рассказал мне, что вы простыли. Мы встретились с ним, когда он искал для вас лекарства.

– Вы тоже идете в Накун?

– Помните, я говорил на Летосе, что хочу посмотреть восток и добраться до Рубежа? Или, быть может, Туманного леса. Я пока не решил, что предпочтительнее. А вот вас всех, признаться честно, не ожидал встретить так далеко от Летоса.

Она понимающе улыбнулась, но не стала говорить об истинных причинах своего путешествия, чтобы ее не сочли безумной:

– Я все же решила посмотреть большой мир.

Ответить Мильвио не успел, дверь трактира распахнулась, и раздался крик:

– Ловчие! Ловчие идут!

Разговоры стихли не сразу. Кто-то, занятый беседой, даже не обратил внимания на взмыленного, тяжело дышащего человека в распахнутом полушубке, с окровавленной левой щекой.

Но постепенно к нему повернулись все, глядя с недоверием, удивлением, а кое-кто и со страхом. Шерон рассеянно подумала, что тепло уходит через распахнутую дверь, за которой вплотную стоит туман.

– О чем ты говоришь, Лит? – недовольно спросил хозяин постоялого двора, как видно знакомый с мужчиной. – Проваливай в город. Опять напился с утра пораньше?

– Да послушайте же! – в отчаянии закричал тот. – Нет больше никакого города! Ловчие пришли! Большой отряд. Мы едва убежать успели. К ущелью, а там их еще больше! Костры горят, шатры свои ставят, весь гарнизон раздолбали.

– Сказки! – как-то слишком уж неуверенно сказал кто-то из посетителей.

– Герцог давно заключил соглашение с их старейшинами. Мы живем мирно больше пятнадцати лет.

Лавиани оказалась рядом, положила руку на плечо Шерон, покосилась на Мильвио с большим недовольством и произнесла тихо:

– Двигай к черному ходу, девочка.

– Что? – опешила указывающая.

– Она права. – Мильвио смотрел лишь на распахнутую дверь. – Мы уходим прямо сейчас.

– Мы?! – уставилась на него сойка.

Но он уже подтолкнул обеих к коридору. Шерон, видя их серьезные лица, решила не спорить. Лишь повернула голову туда, где стоял Тэо, и махнула ему рукой. Лавиани повторила ее жест.

– Пружину надо подождать. – обеспокоенно предложила указывающая.

– Не дурак. Нагонит. – Сойка даже не остановилась, плечом толкнув дверь хозяйственных комнат, расположенных за кухней. – Фламинго, у нас разные пути. Даже не думай примазываться.

– Сегодня дорога одна, сиора. И она ведет как можно дальше отсюда.

– Кто такие ловчие и почему мы уходим так спешно? – Шерон застегивала пуговицы своей длинной куртки.

– Те, кому ты очень понравишься, девочка. Они обожают смазливых рабынь.

– Неправда, – откликнулся Мильвио, поглядывая по сторонам. – Рабов они берут, но не во время рейдов. После таких вылазок оставляют лишь трупы. К деревьям.

Он указал на едва видимые в тумане белые ели. Они поспешили туда, и Шерон заметила, что Лавиани смотрит на следы, остающиеся в насте, как на самых подлых предателей.

– Почему мы так спешно ушли? – Указывающая оглянулась, но Тэо все еще не было.

– Отряды разведчиков ловчих двигаются быстро, сиора. И если они действуют так же, как и прежде, то будут здесь в течение получаса.

– Но люди, которые там... – Девушка остановилась. – На постоялом дворе. Выходит, они в опасности.

– Мы тоже в опасности, – с некоторым раздражением из-за этой остановки проворчала Лавиани. – Самые умные поступят так же, как и мы, разбегутся кто куда и будут молиться, что поймают не их. Идиоты станут до последнего спорить, что такого не может быть и ловчие соблюдают перемирие. Их герцоги-то не всегда соблюдают, что уж говорить о дикарях!

Шерон, понимая, что убедить сойку не получится, повернулась к Мильвио, сказав твердо:

– Мы не можем так уйти. Им надо помочь.

– Кому помочь? – уже откровенно зло спросила Лавиани. – Там почти сорок душ, половина из них при оружии. Мы услышали слух и дунули, решив не проверять, реальность он или выдумка. Вернемся туда и, если ловчих окажется много, сдохнем, а твоя девица так тебя и не дождет.

Глаза Мильвио были темны, а на лице появилась печаль:

– При всем моем желании я не смогу спасти всех, сиора. Но зато смогу защитить вас обеих, если мы поторопимся уйти от обжитых мест как можно дальше.

– Как видно, Скованный послал мне хоть одну разумную голову, – возблагодарила небо сойка. – Фламинго, присмотри за ней. Я за циркачом. Какого шаутта он там застрял?

Шерон сделала шаг следом за ней, но остановилась и опустила плечи, ощущая свое бессилие. Они оба правы, но от этого ей было не легче.

К ее удивлению, снега в лесу было гораздо меньше, чем на тракте, и ноги проваливались лишь по щиколотку. Туман все еще держался в воздухе, если так можно было назвать едва видимую глазом дымку.

Шерон сидела прямо на снегу, на расстеленном плаще Мильвио, пытаясь слушать тишину. Ее спутник стоял, сложив руки на груди. Он был абсолютно спокоен.

– Нам надо идти дальше, – наконец сказал он.

– А Лавиани и Тэо? Мы даже не договорились, где встретимся.

– Не волнуйтесь об этом. Я немного успел узнать вашу спутницу. Уверен, она найдет нас. А мы тем временем будем двигаться дальше.

– К городу?

Мильвио с сожалением покачал головой:

– Если слова того человека верны, то в городе нас ждут одни лишь трупы. И ловчие петли. Ущелье для нас тоже закрыто. Осталась дорога через пушу, хоть это непросто в такое время года. К вечеру выйдем на Старый тракт, тянущийся вдоль хребта.

– А дальше?

– Есть несколько троп через горы. До них примерно неделя пути. Если все будет хорошо, совсем скоро окажемся на той стороне. Давайте пойдем, сиора Шерон. Вы, того и гляди, замерзнете.

– Просто Шерон, Мильвио. Оставьте «вы» для тех, кто с вами не знаком.

– Тогда и тебе не стоит...

Она покачала головой:

– Во мне нет благородной крови. В отличие от вас.

– Это всего лишь кровь. Она так же горяча и красна, как у тебя. А когда заканчивается, мы умираем, как и все остальные. Я настаиваю.

– Хорошо. Мильвио. – Девушка на секунду закрыла глаза, собираясь с силами, встала. – Ты прав. Надо идти. Кто такие эти ловчие? Почему их так боятся?

– Когда случился Катаклизм, кое-кто счел, что это наказание всем людям за пороки и грехи. Что мир упал во тьму и никогда не выберется из нее. Тогда они придумали себе новых богов. Тех, кто жил во мгле ущелий и мог защитить от куда большего зла.

– Ложных богов, – уточнила Шерон.

– И кровавых. Эти люди ушли в горные долины и на несколько веков пропали из виду. Их потомки... скажем так, одичали. – Треттинец пропустил девушку вперед, указав на звериные следы, складывающиеся в тонкую тропинку. – Однажды они появились в мире, и никто подобного не ждал. Они собрали кровавый урожай, посвятили его своим идолам и исчезли на пять лет. Дикарей не стали преследовать, слишком опасными воинами они оказались, и те, кому удалось выжить, говорили, что на их стороне была сама тьма.

– Магия?

– Не могу сказать. Это древние слухи. Сколь они правдивы... – Его зеленые глаза стали задумчивы. – Зато правдой является то, что бойцы ловчие отличные. Дикари, варвары, неграмотные пастухи, а сражаются точно звери. Жестокие и опытные. У них нет страха, дерутся до последнего, потому что считают, что за ними боги. Поэтому когда с ловчими встречаются солдаты из приграничных гарнизонов, в восьми случаях из десяти они проигрывают схватку.

– Понимаю, почему герцогу проще было платить горцам, чем драться с ними.

– Не понимаешь. Герцог платил вождям, чтобы ударные копы не разорили весь восток страны. Даже несмотря на откуп, раз в пять лет ловчие покидают горные замки, чтобы утолить жажду крови своих богов. Молодые воины проверяют свою удачу, ловят женщин, убивают мужчин, нападают на фермеров или деревни.

– Герцог жертвует своими подданными? – Услышанное не понравилось Шерон. – На Летосе это просто невозможно.

– Вашу страну считают жестокой, но, поверь, есть места и похуже. – Ей показалось, что произнес он это будто извиняясь. – Здесь одно мнение: маленькая ферма или случайные путники на тракте раз в пять лет... Это куда меньшая жертва, чем полноценный рейд.

– Ты тоже так считаешь?

– Я не политик и ценю жизни. Во всяком случае, стараюсь это делать. – Нога мечника провалилась глубоко в снег, и он оперся на сосновый ствол, чтобы не упасть. – Возвращаясь к ловчим... в этот раз, судя по известиям про город, они нарушили договоренности и устроили полноценную вылазку, чего не было довольно давно. И лучше нам не встречаться.

– Ты сталкивался с ними?

– Однажды.

Она кивнула, принимая во внимание его слова. И подумала о Лавиани и Тэо. За них Шерон волновалась куда больше, чем за себя.

Снова пошел снег. Мелкая крупа сыпалась между веток, попадая на капюшон. Дорога через заиндевевший лес забирала много сил, девушка устала, но не в ее правилах было жаловаться.

Она потеряла счет времени, и о том, что скоро вечер, говорили лишь густые тени под деревьями и уходящие из мира краски. Мильвио приноровился к ее темпу, не спешил и то и дело оборачивался через плечо, проверяя, как она себя чувствует, прокладывая тропу.

– Мы не заблудились? – тихо спросила указывающая, когда они вышли на опушку. Лес здесь заканчивался, и на заснеженном поле торчало одинокое высохшее дерево.

– Горы на востоке, – ответил мечник, махнув рукой куда-то за ели. – Все это время мы идем вдоль тракта. Просто получается в четыре раза медленнее. Прости за неудобство.

– Это куда лучше, чем отдать свою кровь в жертву богам, которых даже не существует.

Мильвио понимающе рассмеялся.

– Если устанешь, скажи.

– Сделаем привал?

– Не думаю. Скоро ночь. Остановившись, мы замерзнем. Я просто понесу тебя.

Наверное, на ее лице отразился ужас оттого, что ему придется тратить такое количество сил, когда вокруг снег, то и дело обхватывающий их ноги, поэтому треттинец сказал:

– Ты маленькая и легкая. Носил я в своей жизни вещи куда тяжелее.

– Думаю, это не потребуется. Просто продолжим идти.

– В тебе есть сталь, Шерон из Нимада. Это достойно уважения. Впрочем, от указывающей я не ожидал ничего иного.

Она подумала о том, что надеется быть не слишком большой обузой для него, так как понимала – без нее Мильвио шел бы гораздо быстрее.

– Где твой алый плащ? – неожиданно спросил спутник.

– Когда мы оказались на материке, Лавиани посоветовала от него избавиться. Как и от браслета с ожерельем. Люди здесь не слишком рады видеть таких, как я.

– Меня это правило не касается.

– Ты один из немногих. Так что я закопала вещи в Прибрежном.

– Разумная предосторожность, – одобрил мечник и повернул голову направо, а затем быстро приложил палец к губам.

Она посмотрела в ту же сторону и увидела двоих мужчин. Один при оружии, без шапки. По седине в волосах она узнала воина с постоянного двора. Другой, бородатый дагеварец, с пурпурным от бега лицом, пытался не отстать, но было видно, что он на последнем дыхании.

Решение к Шерон пришло сразу же.

– Мильвио, лучше, чтобы в бою лишний меч был с нами.

Треттинец окликнул бегущих. Седовласый остановился, его рука тут же схватилась за тарашийскую саблю⁵. Поняв, что перед ним не враги, мужчина, сменив направление, припустил в их сторону. Дагеварец же остановился, уперев руки в колени, и пытался отдышаться.

– Сколько их? – спросил Мильвио у старого воина.

– Четверо. В минуте от нас.

– От вашего друга будет толк, сиор? – Бастард покинул ножны.

– Он мне не друг. – Седовласый вытер рукавом скудную бороду, в которой висели льдинки. – Вряд ли купец способен драться.

Дагеварец преодолел последние ярды, упал в снег, сбросив с плеча увесистый мешок, и его огромное брюхо тяжело вздымалось.

– Насколько хорош ваш клинок? – Воин, прищулив серые глаза, смотрел, как на прогалине появляются люди в рогатых шлемах.

– Пока он оставлял меня в живых.

– Четверо против двоих. В моей жизни бывало и похуже. – Человек для пробы несколько раз взмахнул мечом, и тот разрезал воздух перед ним.

– Ненавижу вашу страну, – между тем простонал снизу торговец. – Варвары! Какие же вы все варвары.

– Вставай в очередь, – усмехнулся воин. – А тебе, девонька, лучше отойти. Жаль, что у меня нет щита. Все было бы гораздо проще.

– Только недалеко, Шерон. Я не смогу тебя защитить, если ты побежишь, кто-нибудь из них за тобой погонится, а мы будем связаны боем.

– Я не побегу, – ответила указывающая, отступая и обнажая длинный, узкий кинжал, висевший у нее на поясе.

Девушка не собиралась сдаваться, и, если уж ей придется остаться в этом лесу, она не даст им принести себя в жертву. Жаль только, что Найли ее смерть не спасет.

Ловчие, люди, которых все так боялись, не выглядели чудовищами, пускай их лица и бороды были размалеваны желтой краской. У троих были щиты и шипастые палицы, у четвертого широченный зазубренный клинок, который он нес, положив на плечо.

Толстяк-дагеварец, увидев их, вскрикнул, вскочил и, бросив свои пожитки, побежал к лесу.

– С ними можно договориться? – спросила Шерон.

– Можно. Если ты их вождь, шаман или темный бог, девонька.

Указывающая мало что понимала в схватках и не успевала следить за тем, как стремительно развиваются события. Звон стали, хрип, ругань, рычание, первая кровь и... первый труп. Ловчий с рассеченной грудной клеткой упал под ноги Мильвио, но Шерон уже не увидела, что с ним случилось дальше.

Боец, кинувшийся к ней, больше хотел напугать, чем покалечить. Поэтому палица с коваными шипами прошла рядом с головой, а затем ловкой подсечкой ее сбили с ног. Она упала в снег левым боком, даже не успев испугаться. Он навис над ней, рыча, точно зверь, потрясая щитом и оружием, тараща глаза, желая запугать.

Но она не испугалась. Кинжал все еще был в ее правой руке, и она что есть силы резанула его по икре. Острая сталь без труда рассекла шерсть, ткань и плоть под ними.

Ловчий закричал, но скорее не от боли, а от ярости, отпрянул назад, и это дало ей возможность вскочить и побежать прочь. Пошатнулась из-за снега, которого здесь было до середины голени, и это спасло ей жизнь. Брошенная вслед палица пролетела там, где секунду назад находилась ее спина.

⁵ Широкий меч с односторонней заточкой и слабой кривизной клинка.

Оружие исчезло в сугробе, рядом с деревьями, где виднелись следы убежавшего торговца. Это был ее шанс. Она сунула кинжал в ножны, оказалась возле сугроба и руками в перчатках стала разбрасывать холодную крошку, пытаясь найти палицу прежде, чем припадающий на раненую ногу ловчий доберется до нее.

За спиной раздавались крики и звон оружия. Несколько раз она оборачивалась, не переставая раскидывать снег, проверяя, где находится враг, и наконец пальцы нащупали рукоятку.

Шерон вскочила и ударила снизу вверх, метя в челюсть противника. Но он выставил щит, отбивая оружие. Указывающая, не ожидавшая этого, вскрикнула от боли, пронзившей запястье, и палица вновь канула в сугробе.

Мускулистая рука поймала девушку за ворот куртки, рванула вверх, и Шерон почувствовала, что ноги потеряли опору. Она забыла о кинжале, все, что у нее оставалось, – лишь ее дар. Белое сияние охватило левую ладонь, и она кинула его человеку в лицо, уже зная, что это никак не поможет. Ее способности были опасны лишь мертвым.

Но эффект превзошел ожидания.

Ловчий с испуганным воплем отшвырнул ее от себя. Приземляясь, Шерон оперлась на травмированную руку, вскрикнула. Мир словно утратил звуки, закружился, и, чтобы сопротивляться этой вязкой патоке, потребовались все силы. Даже через боль она понимала, что испуг не будет длиться вечно и для спасения своей жизни надо двигаться.

Кинжал по рукоятку вошел в правый бок ловчего, не встретив на своем пути никакого сопротивления, погрузившись так легко, словно перед ним были не слои плотной свиной кожи, шерсти и человеческой плоти, а вода. Второй удар у нее получился куда менее успешным, плотно прошло по ребру, и клинок застрял.

Она отскочила назад от метнувшегося к ней круглого щита, который должен был разбить лицо. Мужчина зашатался, сделал шаг в ее сторону, закашлялся, захрипел, и из его раны на снег ручейком потекла кровь. Он посмотрел на нее, словно не веря, а затем упал да так и остался лежать, уже не шевелясь. Снег вокруг него медленно напитывался красным.

Шерон не знала, какое из чувств сейчас преобладает: облегчение, что осталась жива, или ужас оттого, что убила человека.

Она села рядом с трупом, баюкая руку, прижимая ее к груди, затем опустила в снег, ощущая, как жар, пульсирующий в запястье, медленно ослабевает.

Мильвио подбежал к ней, наклонился, заглядывая в лицо:

– Цела? Не ранена?

– Дай мне минуту. Я приду в себя, – попросила она. – Рука.

– Мне надо посмотреть. Пошевели пальцами.

Девушка сделала, что он просил, сказала:

– Вряд ли это перелом. Просто выбила. Лавиани подлатает.

– Она лекарь? – удивился тот.

– В каком-то смысле.

Мильвио снял с шеи шарф и, несмотря на ее возражения, соорудил повязку.

– Не так уж они страшны, – произнесла девушка, осторожно сунув руку в петлю, перекинутую через ее плечо и шею. – Что с ним?

Седовласый воин был слишком далеко, чтобы она могла рассмотреть детали. Слышала лишь, как он громко костерит мертвецов.

– Потерял ухо и легко ранен в предплечье. Ему тоже надо помочь.

– А ты?

– Повезло. Ни царапины. Эта часть копья была слишком молода и неопытна. Пойдем.

Шерон улыбнулась через силу.

– Мне требуется минута. Иди. – И, видя, что он колеблется, успокоила: – Не волнуйся за меня. Все страшное уже позади.

Он понял ее взгляд, обращенный на мертвого, в груди которого все еще торчал застрявший кинжал.

– Ты права. Нет ничего хорошего в убийстве. Но если бы ты этого не сделала, мы бы не разговаривали.

– Я понимаю. – Указывающая вздохнула. – Со мной все будет хорошо. Честно. Иди.

– Успокою нашего нового друга. Иначе он своими проклятиями привлечет всех ловчих по эту сторону гор.

Она осталась одна и посмотрела на мертвеца. Смерть уже превратила глаза в стеклянные пуговицы, но кровь все еще продолжала бежать из ран, пропитывая снег ярко-алым. Теперь он уже не казался грозным и страшным. Боевая раскраска, шлем, съехавший на лоб... Это все не давало рассмотреть ей самое главное – он был ужасно молод. Совсем недавно его еще можно было считать мальчишкой, пускай ростом и комплекцией он был побольше Тэо.

– Убит женщиной, – прошептала она мертвому. – Наверное, для вас это хуже позора. Я сделала все правильно, но ты все равно прости меня.

Глава четвертая

Старый знакомый

Дороги всегда были моей жизнью. На них можно встретить множество людей. Веселых, бесшабашных, мудрых, сильных, достойных, честных и верных. Но, путешествуя по ним, следует помнить, что среди нас встречаются и иные. Те, кого можно назвать злом. Или тьмой. От них не стоит ждать ничего хорошего. Лишь беду и смерть.
Из записок странствующего поэта, найденных на его теле после смерти

Фляга была холодной, и Тэо пил отвар осторожно, стараясь не касаться губами горлышка. Вкус, раньше казавшийся ему сладким, какое-то время назад приобрел горчинку, но он был даже рад. Хотя яд, лишь бы эта вещь помогала и не давала видеть сны.

Закрутив крышку, он обернулся к Лавиани. Та, склонившись, изучала следы.

– Хреново дело, мальчик.

– Ты это уже говорила, – напомнил он ей. – Полчаса назад, когда насквозь проткнула того несчастного желтомордого парня.

– Да я еще сто раз повторю. Хреново. Это не их следы.

– Ты уверена?

Ответа не требовалось, рассерженный взгляд сойки был красноречивее любых слов.

– Ясно. И что мы будем делать?

– Искать.

– Когда вся округа наводнена ловчими?

– А кто сказал, что будет легко? Если бы не твоя честность, мы бы не угодили в эту выгребную яму. Дался тебе трактирщик, парень. Он небось уже лежит с проломленной башкой. На кой shaftт ему наши деньги?

Пружина промолчал. Оправдываться не имело смысла. Он уже успел понять, что оплачивать счета для Лавиани не самое важное в жизни.

Ей пришлось вернуться из-за него. За это Тэо был благодарен сойке. Не появившись она, вполне возможно, он так бы и остался на том постоялом дворе.

Услышав о приближении ловчих, перепуганные люди стали выбегать из дверей и попадали либо в сети, либо под удары шипастых палиц. Он выскочил через окно, быстро поднявшись по лестнице на второй этаж, а затем перебрался на крышу и спрыгнул в сугроб с той стороны, где никого не было. Во всяком случае, так думал Пружина, пока прямо перед ним не появилась троица с расписанными желтой краской лицами.

Он избежал броска сетью с помощью бокового сальто, чем несказанно удивил воинов. А затем появилась Лавиани.

Что-то размытое пронеслось у Тэо перед лицом, вихрь взметнул и закружил в воздухе снежинки, а троица в рогатых шлемах повалилась, точно срубленные деревья, булькая и захлебываясь кровью.

Лавиани резким движением запястья стряхнула алые капли с клинка, оглядываясь по сторонам:

– Не зевай, мальчик. Или ты думаешь, я должна потратить все свои таланты, чтобы вытащить твою очаровательную мордашку из этого котла?

Он поспешил за ней, радуясь, что туман скроет их, и слушая, как на противоположной стороне постоялого двора раздаются крики и звенит оружие.

– Где Шерон?

– Была бы со мной, если бы ты не валял дурака. Стой! – Она потянула носом воздух. – Сюда! Живо! Живо!

Он упал в снег за чахлой раздваивающейся ольхой и подумал, что худшего места для укрытия просто не придумаешь. Они были как на ладони, стоило лишь посмотреть в нужном направлении.

Позвякивая кольчугами, из туманной дымки появились воины с палицами, щитами и подготовленными сетями. Ловчие пробежали мимо, и сойка увела его в лес. Они ушли, скрытые туманом.

Потребовалось больше часа, чтобы оказаться там, где, по предположению Лавиани, должна была их ждать Шерон. Но на месте девушки не оказалось.

– Не стоило ее оставлять с этим парнем, – проворчала сойка, изучая две расходящиеся цепочки следов.

– Мильвио неплохой человек.

– Мальчик, верю, что ты успел за свою жизнь повстречать множество людей. И судя по всему, они были добры и милы. Но я не привыкла доверять двуногим, особенно когда видела их два раза в жизни.

– Но оставила ее с ним.

– Не было выбора. Какие тебе по нраву – левые или правые? И тут и тут отпечатки ног, ведущие в разных направлениях. Куда идем?

Тэо нахмурился и оглянулся. На секунду ему показалось, что где-то далеко в зимнем лесу хрустнула ветка.

– Ты разве не умеешь читать следы?

– В твоем голосе столько разочарования, циркач. Представь себе. Я не такая разносторонняя личность, как ты думал. Чтение следов, охота на белок и рыбная ловля не относятся к моим талантам. Как и прогулки по лесу. Я городской житель и терпеть не могу все эти палки да ветки. Так что? Куда идем?

– Если ты призываешь меня довериться удаче, то выбрала не слишком подходящего человека.

– Рыба полосатая! Вечно мне приходится делать все самой! – раздраженно процедила та, посмотрев на следы, словно те были ее кровными врагами. – Ну, давай тогда направо. Вот эти похожи на женские.

– Да. Маленькие, – признал Тэо.

Женщина покосилась на него, поправила баклер, прикрепленный к поясу с помощью придуманной ею защелки, и пошла вперед, на каждом шагу проваливаясь по щиколотку в снег.

– Как я и думала, – с мрачной меланхолией произнесла Лавиани, когда пятеро воинов на низеньких, лохматых лошадках проскакали через поляну. – Полноценный рейд, мальчик. Горцам не сидится в своих пещерах. Копья вышли на охоту.

Лес был наводнен патрулями, и оставалось лишь предполагать, что происходит на тракте.

– Их что-то выгнало из долин.

– О чем ты? – не поняла Лавиани.

– Знал я одного ловчего. – Заметив ее удивленный взгляд, Тэо серьезно кивнул, показывая, что не врет. – Он сбежал из деревни прежде, чем его принесли в жертву за какое-то преступление. Работал в цирке охранником. Так он порой рассказывал о своем народе. Рейд часто начинается, если в долинах случается беда. Голод подступил, или мор напал на деревни. Их боги кровавы.

Лавиани прищурилась, начиная понимать:

– И много крови нужно, чтобы порадовать божков? Чтобы те отозвали беду от народа, сменив гнев на милость?

– Думаю, да.

– Плевать, какая у них беда приключилась. Дохнут ли овцы, или у верховного вождя запор – все равно. Мне не важны причины, по которым ловчие устроили охоту на людей. Главное, чтобы не мое горло вскрыли на их жертвенном камне. А это случится, если нас поймают.

– Нам стоит вернуться обратно.

– Что?!

Тэо не обратил внимания на ее нахмуренные брови:

– Мы ошиблись. Шерон здесь нет.

– Ты хочешь сказать, что я ошиблась.

– Я сказал то, что сказал, Лавиани. Мы ошиблись. Надо возвращаться и искать ее в другом месте.

– Рыба полосатая! Вроде еще не пришло время, чтобы ты полностью растерял свой разум. «В другом месте»! Оглядишься по сторонам, мальчик. Это «другое место» тянется через все герцогство, с юга на север, вдоль подножия Мышиных гор.

– Я не предлагаю обшаривать весь лес.

Она подняла руку, останавливая его:

– Нет. Именно это ты мне предлагаешь. Уверена, передо мной мастер в том, что касается танцев на веревочке, но сейчас поверь моему опыту. Лес. Зима. Деревья. Скоро ночь. Опять набегают облака. Возможна метель. А еще патрули ловчих рыскают у нас под носом. Мы можем искать девочку до бесконечности, кружить друг за другом около одной поляны, но так и не встретимся. Зато наткнемся на полудурков, верящих в кровавых божков.

– Ты хочешь бросить Шерон? – Акробат недоверчиво нахмурился. – Даже на тебя это не похоже.

Лавиани несколько секунд размышляла, хотела ответить резко, но, посмотрев на Пружину, вздохнула и опустила плечи:

– У меня нет желания бросать девочку. Но и найти ее не смогу. Трезво оцениваю шансы. Мы просто потеряем время или умрем. Фламинго не допустит, чтобы с ней что-нибудь случилось.

Тэо потер подбородок, не удержавшись, спросил с иронией:

– Не ты ли всего несколько часов назад говорила, что не доверишь Мильвио?

Сойка не смутилась:

– Я никому не доверяю. В той или иной степени. Но сейчас приходится кидать мешки на спину того осла, который подвернулся под руку. Думаю, ему удастся вывести указывающую из облавы. Насколько я успела узнать треттинца, он не из тех, кто забивается в нору и прячется. А значит, продолжит путь, уходя все дальше и дальше.

– И как мы его найдем? К ущелью он точно не пойдет, но и в город не вернется.

– У Шерон цель – дорога на восток. Преодолеть Мышиные горы можно тремя способами. Обойти их через Горное герцогство, а потом по Жемчужному морю в Алагорию. Это потеря двух месяцев, если погода будет позволять. Не думаю, что девочка согласится на такой вариант. Слишком большая задержка для нее.

– Как и для меня. – Тэо посмотрел на темнеющее небо. – Значит, остается единственный разумный вариант. Выйти на Северный тракт, вдоль горной цепи. Если Шестеро будут благосклонны, то за пять дней можно дойти до Тропы Любви. А если не хочется лезть через нее, то в десяти днях пути будет еще один торный перевал.

– Верно, мальчик. Если нет ловчих, то лучшего шанса перебраться в Накун просто не сыскать.

В ветвях над головами громко каркнула ворона, и они повернулись в сторону этого крика, заставшего их врасплох.

– А если дикари добрались и туда...

– Какого Скованного им нужна огромная развалившаяся крепость длиной в две с лишним лиги? Там редко кто бывает, и жертв не наловишь.

Лавиани обещала ему, что они будут идти всю ночь, но через пару часов после того, как стемнело, резко похолодало и началась метель.

– Надо остановиться! – сказал ей Тэо потрескавшимися губами, но деревья вокруг шумели так громко, что она его не расслышала, и пришлось схватить ее за плечо.

Когда сойка поняла, что он предлагает, то покрутила пальцем у виска:

– Нет, мальчик. Сегодня у тебя не все в порядке с башкой. Если остановимся, то я-то переживу стужу, но ты точно околеешь.

– Рад, что ты заботаешься обо мне. – Он не стал улыбаться, губы кровоточили от ветра и мороза. – Но я скорее умру, если мы продолжим идти.

– Мальчик, это лес. Тут нет жилья и нет огня.

– Меня не раз и не два заставляла метель в дороге. Я знаю, как ее переждать.

Мгновение она размышляла.

– Хорошо. Это твой выбор, циркач.

– Дай мне свой щит.

Сойка с интересом наблюдала, как он подошел к ближайшей ели, нижние лапы которой были занесены снегом, и начал баклером, словно лопатой, копать яму. Когда та стала достаточно глубока, Тэо утрамбовал стенки, бросил шерстяное одеяло, которым обычно укрывался, жестом попросил у Лавиани второе.

Та не стала жадничать, лишь ехидно заметила:

– Надеешься, что они тебя согреют?

– Отчасти. Можно нож?

И опять она не стала перечить. С соседней ели Тэо срубил несколько еловых лап, положил на те, что уже нависали над ямой, присыпал сверху снегом, оставив лишь небольшое отверстие между ветвей. Он нырнул под них, забираясь в «логово», и уже через несколько минут на кулачном щите Лавиани горел маленький огонек.

– От него мало тепла, мальчик.

– Но и дыма нет. Огня достаточно, чтобы не замерзнуть.

– Твое логово засыплет, – сказала Лавиани, усаживаясь рядом и ощущая слабый запах смолы, приглушенный морозом.

– Так и задумано. Нас будет греть наше дыхание. Станет еще теплее. Надо всего лишь приминать снег и следить, чтобы дымоход не завалило, пока горит огонь.

– Отличное занятие на всю оставшуюся ночь. Желаю тебе не скучать. А я пока посплю. Все равно делать нечего. – Она надвинула капюшон пониже себе на лицо. – И вот еще что, акробат. Надеюсь, что, когда проснусь, рядом со мной не будет замерзшего покойника.

– Постараюсь тебя не опечалить.

– Опечалить? Поверь мне, я просыпалась и в куда худших ситуациях. Один мертвец точно не испортит моего настроения.

Уже через минуту она уснула, задышав глубоко и медленно, оставив Тэо прислушиваться к вою ветра.

В берлоге властвовал мрак, было душно, но, к ее удивлению, совершенно не холодно. Огонь погас, Тэо спал, она слышала это и осторожно вытянула затекшие ноги. Дыру в «потолке» почти завалило, и сойка, взяв в руки копьё, расширила ее. Судя по проникающему внутрь «свету», солнце еще не показалось над горизонтом, до рассвета оставалось больше часа.

На ресницах акробата лежал иней. Лавиани хотела разбудить его, но посмотрела на бледное лицо и решила, что лишние полчаса сна парню точно не помешают.

Выбиралась она наружу ползком, руками разбрасывая снег. Плечами потревожила отяжелевшие ветки, и те тут же отомстили, обрушив на спину целый сугроб. Ругаясь про себя, она оглядела лес. Ровные стволы высоченных деревьев уходили ввысь и терялись в низком облаке, точно сонный кит ползущем над ней и застрявшем в лесу.

Лавиани обошла логово по кругу сперва раз, затем, отойдя немного подальше, сделала еще круг, внимательно рассматривая нетронутый снег. Никаких следов, даже заячьих. Это ее целиком и полностью устраивало.

Затем она направилась к тракту. Последние два десятка ярдов кралась, согнувшись вдвое, кое-где подползая на животе, чтобы не задевать отяжелевшие от снега ветви.

Женщина лежала, глядя на перекресток пустынной дороги, надежно укрытая от посторонних глаз кустарником, больше напоминавшим ледяную стену. Сойка сама не знала, что хочет увидеть.

Солнце медленно поднималось, и верхушки елей окрасились сочным розовым светом. Когда холод проник ей под куртку и она собралась уходить, в ушах слабо зазвенело, и Лавиани застыла, потрясенная тем, что ощутила. Парализованная этим знанием.

Вжалась в снег еще сильнее, словно лиса, прячущаяся от собак, заставила себя успокоить дыхание, задышала ровно и медленно.

Она ничто. Мертвое на мертвом. Снег снега. У нее нет сердца, нет горячей крови и теплого дыхания. Она не чувствует, у нее нет эмоций, нет мыслей, прошлого и даже будущего. Этот мир никогда не знал ее, а потому ничем не мог помочь тем, кто сейчас приближался по тракту к ее укрытию.

Лишь спасительный звон в ушах никуда не делся. Бился на границе сознания точно муха, запутавшаяся в паутине.

Всадников было семеро. Все при оружии, в хорошей, теплой одежде, на сытых крупных лошадях алагорской породы. Они шли тротом⁶, и мерные удары копыт далеко разносились по заиндевевшему лесу. Люди не боялись, что их услышат ловчие, которыми сейчас кишели окрестности, а это говорило о многом.

Один ехал без капюшона, и Лавиани прекрасно разглядела на его лысой башке темно-синюю татуировку каторжника. За ним следовала женщина – крепко сбитая, похожая на мужчину, вооруженная коротким восточным луком. Третьим был худой тип с топором. За ним еще одна женщина – в дорогой одежде, но лица сойка не разглядела. Стремя в стремя с ней скакал бледный алагорец. Но эта пятерка не привлекла особого внимания Лавиани.

Куда хуже были двое последних. Тот, из-под капюшона которого торчала седая борода, вне всякого сомнения, был такой же, как она. Сойка. Звон в ушах ее не обманывал.

Сегу. Вот его имя.

Лица лидера отряда она не видела. Да ей этого и не требовалось. По посадке в седле, наклону головы и тому, как он жестко правил лошадь, было понятно, кто это.

Шрев.

Последний человек в этом мире, с кем бы она хотела встречаться.

На перекрестке всадники разделились. Обе сойки, благородная дама и ее сопровождающий отправились на запад, а троица повернула на север.

Лавиани пролежала на снегу еще несколько минут, пока не убедилась, что звон в ушах окончательно стих и никто из них не собирался вернуться. Отползла назад и направилась обратно, к логову.

Новый звук, точнее, его призрак, столь слабым он был, привлек ее внимание. Сойка замерла, не донеся ногу до наста, прислушалась. В застывшем от холода лесу ей показался чужеродным этот странный скрип.

⁶ Трот – медленная, укороченная рысь.

Это было нечто вроде «крэ-э-энк». Как будто кто-то водил металлом по камню. Довольно противно, даже несмотря на расстояние. Звук повторялся с заметной периодичностью, и это тревожило ее.

Лавиани несколько раз останавливалась, здраво полагая, что те, кто ищут ее, подготовили какую-то ловушку, но каждый раз убеждалась, что соек поблизости нет.

Оказавшись на опушке, перед большой занесенной поляной, она увидела одинокое высохшее дерево. На самом нижнем суку, большом и корявом, свесив ноги, спиной к ней, сидела женщина.

Крэ-э-энк.

Скрежещущий звук разнесся по округе так, что Лавиани перекосило от отвращения. Она направилась к незнакомке и чем ближе подходила, тем сильнее понимала, что этот день нельзя назвать иначе, чем днем встречи старых знакомых.

Под деревом валялся растерзанный труп ловчего.

– Эти волосы я узнаю издали, – сказала сойка. – Как поживаешь, Клеро? Или как там тебя зовут на самом деле?

– Имена... – с презрением сказала женщина, не оборачиваясь. – Вечно вы, люди, цепляетесь за клички. Точно собаки. У нас нет имен. Мы – та сторона, и этого довольно.

Лавиани обошла дерево по кругу, впрочем не став подходить ближе, равнодушно глянула на мертвеца, у которого отсутствовала нога и ее недоеденные остатки обнаружились в руках «Клеро». Та посмотрела на Лавиани зеркальными глазами, усмехнулась так, что бледное лицо стало походить на череп, и провела зубами по обглоданной бедренной кости с ошметками плоти.

Крэ-э-энк.

– Так я и знала, что Шерон тебя не прикончила.

– Слышала бы ты себя. Столько беспомощного разочарования и злости. Девка всего лишь разрушила оболочку, которую я одолжил. А ты, – шаутт грубо схватил себя за грудь, – подарила мне новую. Краше прежней и без проломленной башки. Конфетка, а не тело. У меня на него огромные планы. Хо-хо.

– Чего тебе надо? – мрачно спросила Лавиани, с трудом сдерживая ярость.

– Мне? Это ты ко мне пришла и отвлекаешь от завтрака. – Шаутт сунул кость в рот, помешкал и протянул Лавиани. – Прости мои манеры. Желаеть присоединиться?

– Отвали.

Он заржал смехом Клеро:

– Недотаувины такие щепетильные. Вот и помогай вам.

– Помощь? От тебя? Слабо верится. Не ты ли пытался убить меня и акробата в Талорисе?

– Акробата, – передразнил он ее, скорчив рожицу обиженного ребенка. – Как маленькая! Ты же жива. Была бы моя воля, тебя бы давно сожрали черви, женщина. Всего лишь маленькая проверка, и девчонка прошла ее. Не бросила вас. Из нее выйдет толк.

Лавиани нахмурилась, но промолчала. Шаутт, захвативший мертвое тело Клеро, легко спрыгнул в снег, отшвырнул от себя кость, и та, вращаясь в воздухе, улетела к границе леса. Они оба проследили за ее полетом.

– Эти земли наполнены теньями, – произнес демон, по-собачьи нюхая воздух. – И тебе лучше уйти отсюда. Прежде чем они найдут тебя или славного глупого прыгуна, что держится за твою юбку.

– Не понимаю.

– Иного я и не ожидал. Даже для недотаувина ты довольно тупа. – Мертвое горло издало неприятный смешок. – Такие, как я, здесь. Сейчас они западнее. В двух часах ходьбы, но кто знает, куда они направятся. Ветер штука капризная. Почуют вас, и все. Привет.

– Почему ты предупреждаешь о них?

Зеркальные глаза равнодушно скользнули по ее обветренному лицу.

– Твои вопросы навевают тоску.

Ей очень хотелось его ударить, вспороть горло ножом, но она понимала, что это бесполезное действие и только разозлит тварь. Шаутт оказался рядом, прошептал прямо в ухо:

– Я с радостью присоединился бы к теньям, получившим свободу благодаря твоему другу. Выпил бы твоей крови. Послушал, как ты тоненько визжишь, когда бы я начал жрать твои теплые кишки. – Он отстранился. – Но, к сожалению, не могу. Приходится служить.

Она услышала, как скрипят его зубы.

– Хватит спать. Девка пошла на северо-восток. Тропа под носом. И ей нужна помощь. Еще увидимся. – Шаутт направился прочь, и его длинные черные волосы, растревоженные ветром, шевелились точно живые.

– Надеюсь, что нет, – прошептала Лавиани ему в спину, сделала несколько глубоких вдохов, чтобы бурлящая в ней ярость не взорвалась и не заставила совершить глупость.

Она пошла прочь лишь после того, как шаутт скрылся за высокими заснеженными кустами и через несколько минут в том же направлении взлетело несколько потревоженных птиц. Только тогда сойка убедилась, что он действительно оставил ее.

Возвратившись назад по своим следам, женщина с удивлением обнаружила, что Тэо стоит под деревьями с двумя сумками, ее баклером и копьем.

– Не спится?

– Думал, что-то случилось. Кто это был?

– Шаутт. Наш старый знакомый.

– Но разве Шерон...

– Нет. К сожалению. Не убила. Он говорит, что в округе есть еще несколько демонов и встречаться с ними опасно.

Тэо хмуро оглядел поляну, которая теперь выглядела отнюдь не так безмятежно, как раньше.

– Я шел по следам. Ты была возле тракта. И лежала там, судя по всему.

– От тебя ничего не скроешь, мальчик. Шаутты, которые рыскают в лесу, не единственная наша проблема. Я видела других соек. – Она забрала из его рук свое оружие. – Они продолжают поиск и подобрались ко мне довольно близко. Трое их подручных отправились на север, к Тропе Любви.

– Что ты намерена делать?

– Станный вопрос, циркач. Убью их. Если встречу. Какие еще могут быть варианты у такой, как я?

Глава пятая

Тропа любви

Еще несколько лет назад это место можно было назвать прекрасным. Но теперь, после Войны Гнева, Тропа Любви – одно сплошное кладбище. Зловонная истерзанная могила, на поверхности которой остались тысячи трупов тех, кто защищал ее и иттурмовал. Никому нет дела до мертвецов, и они отданы дождю, ветру, солнцу, личинкам мух и зверью. Я плакала, когда ехала по стене крепости. Мой отец еще помнил, как красива она была до войны. Мой отряд – единственные люди на сотни лиг вокруг. Мы убегаем от Катаклизма. От моря, вставшего выше неба, от огня, полыхающего во мраке, и тьмы, что наступает нам на пятки. Да помогут мне Шестеро, и пусть будут прокляты все великие волишебники.

Из дневника миледи Де Роез, основательницы герцогской династии Накуна. 100-й день после Катаклизма. Эпоха Упада

Утесы тонули в облаках, и Шерон видела лишь часть ребристых каменных стен, вдоль которых шли вот уже второй день. Они нависали над ней, серые, с редким снегом, едва держащиеся на отвесных склонах, и девушка чувствовала себя неуютно в этом тесном ущелье, заросшем густым ельником.

Тропа, по которой их вел Мильвио, не вселяла уверенности – узкая, местами сильно обледеневшая, отчего ботинки скользили, и все время приходилось осторожничать, чтобы не упасть. Это оказалось непросто, правая рука болела, пальцами было больно шевелить, и к вечеру начинался жар. Треттинец, ранее отдавший свой шарф, счел это недостаточной мерой и соорудил фиксирующую повязку, порвав для этого свою запасную рубашку. Остатков ткани хватило на то, чтобы перевязать голову эста⁷ Керника. Лишившись уха, пожилой воин подхватил легкую лихорадку, но болезнь не забрала у него силы, и он продолжал путь с ними на равных.

Керник оказался молчаливым и замкнутым человеком без лишнего самомнения и легко согласился с планом Мильвио по преодолению Мышиных гор.

– Как ты? – спросил Мильвио на привале, садясь бок о бок с Шерон.

– Немного устала, – честно сказала девушка, наблюдая за тем, как Керник разжигает огонь, и думая, насколько бы все было проще, если бы она воспользовалась своими способностями и призвала пламя из камней. Лавиани поблизости не было, но указывающая помнила наставления, что не стоит показывать свои способности каждому встречному. – И плохо сплю.

– Из-за того, что забрали жизнь ловчего? – Воин оторвался от подкармливания огня тонкими еловыми веточками. – Ты поступила верно, девонька.

– Я это знаю. Но его лицо у меня все еще перед глазами.

– Первый раз всегда непросто. Но необходимость спасти свою жизнь это оправдывает. Так наставляют в храмах Шестерых.

– В нашем мире часто убивают, – согласился с ним Мильвио, и его зеленые глаза смотрели только на огонь. – Но в храмах Шестерых порой говорят вещи, противоречащие друг другу. Не думаю, что там могут судить, чью жизнь забрали верно, а чью по ошибке.

Воин не стал спорить, лишь положил еще несколько веточек в разгорающееся пламя, чадившее густым, белым дымом, пахнущим смолой.

⁷ Эст – обращение к знатному воину в северных герцогствах.

– Надеюсь, убийств больше не будет, сиор де Ровери. Мы уже вторые сутки не видели ни одного патруля дикарей. Да что там, даже их следов на снегу нет. Проклятые тьмой ублюдки загнали нас в глухомань, чтоб им пусто было. Не понимаю, что на них нашло. Они словно озверели.

– Озверели? Сомневаюсь, – тихо сказала Шерон и, увидев, что они оба смотрят на нее, пояснила: – Мне показалось, что они испуганы.

– Ловчие? – с усмешкой спросил Керник. – Варваров не испугает даже Скованный. Они просто охотятся за кровью для своих ложных богов.

Указывающая провела ладонями по лицу, словно желая прогнать усталость. За эти дни им пришлось увидеть достаточное количество горцев. Она не знала причину их страха, но ей казалось, что именно он выгнал их из ущелий и заставил искать кровь чужестранцев. Вершить зло только ради того, чтобы другое зло, гораздо более страшное, оставило их в покое.

Она беспокоилась о судьбе своих друзей. Акробат быстр и ловок, а Лавиани... Лавиани это Лавиани. Она переживет их всех и легко пройдет через наполненную шауттами комнату целой и невредимой. Ее беспокоило иное – возможность потерять друг друга. Девушка уже успела увидеть, сколь огромен мир. Стоит пойти в другую сторону, свернуть на соседнюю тропу – и встретиться снова уже не получится. Возможно, никогда.

Ей было грустно от этого. Она уже слишком сильно успела привыкнуть к ним. Чужаки стали ее друзьями. Кажется, единственными, которые появились у нее с тех пор, как погиб муж.

Соседи в Нимаде уважали ее. Ценили. Любили. Но они не были друзьями. Со времени проявления ее дара окружающие стали относиться к ней иначе. Никто не смел перешагнуть ту грань, что отделяла обычных людей от указывающих.

– Все хорошо? – Керник сломал еще несколько веточек, и те громко хрустнули. – Сиор де Ровери, простите мои сомнения. Но вы видели – все предгорья наводнены дикарями. Выжить непросто. Многие умрут до конца этой недели. Нам очень повезло.

Он подумал и добавил:

– Мне повезло. Если бы я не встретил вас, уже бы давно валялся в снегу с разбитой головой. Прости, что говорю такое про твоих друзей, девонька, но следует быть готовым к плохим новостям. В жизни, к сожалению, чудеса встречаются довольно редко. Во всяком случае, с тех пор, как канули в небытие все великие волшебники.

– А если мои друзья все же выжили? – Шерон попробовала пошевелить пальцами, почти сразу же почувствовала боль и вздохнула.

– Тогда у них два пути. Возвращаться на запад или идти на восток. Перевал закрыт, там ловчие, а Тропа... – Воин поджал губы. – Видите сами. Мы одни. Здесь ходят лишь те, кто раньше бывал. Старожилы и смельчаки.

– Есть чего бояться?

– Нет. Я шестой раз иду этой дорогой. Просто в Тараше обычное дело – сторониться мест, которые заброшены после Катаклизма. Они обрастают дурными легендами.

– Ничто так не любят люди, как страшные сказки, – усмехнулся Мильвио. – Эст Керник прав. Место не пользуется популярностью, и здесь ходят лишь одиночки. Перевал гораздо удобнее. Он ближе к тракту, к тому же там отличный, плавный подъем, доступный для лошадей и телег. А Тропа Любви – это лишнее время, лишние силы, и вокруг глушь без всякого намека на постоянные дворы.

– Верно, – согласился воин. – Никаких трактиров, ночевка под открытым небом, да и лестницы. Эти проклятые шауттом лестницы – то еще испытание для моих коленей. Но я люблю здешние места. Очень красиво. Особенно поздней весной. Все нижние башни крепости купаются в цветении сирени и яблонь.

– Я никогда не слышала о Тропе Любви.

– У вас на Летосе о многом, наверное, не слышали, девонька, – улыбнулся он в усы. – Ничуть не хочу тебя обидеть, но ваше герцогство тот еще медвежий угол. А насчет развалин – их по миру великое множество. Про все знать невозможно. Люди то и дело что-то находят. Говорят, мы не в силах оценить величие Единого королевства. Тогда строили совсем иначе.

Мильвио повернулся на восток, и Керник повторил это движение, прервав речь. Оба воина не сговариваясь встали.

– Что такое? – встревожилась Шерон.

Она ничего не видела. Все те же стальные утесы, снег и деревья.

– Птицы, – бесцветным голосом ответил ей Мильвио. – Видишь?

Указывающая посмотрела на облачное небо, заметила три черные точки, поднимающиеся над лесом. Керник затоптал только что с таким трудом разведенный огонь.

– Еще одна, – произнесла Шерон через несколько минут. – Вон. Над елями. Гораздо ближе, чем прежние.

Девушка левой рукой достала из ножен кинжал. Она сама его очистила от всех следов крови в тот же вечер, а затем продолжила на следующий день и была благодарна за то, что Мильвио ничего не говорил по этому поводу. Теперь клинок блестел, и Шерон почувствовала комок в горле, легкую тошноту от того, что, возможно, ей предстоит убить кого-то снова. Девушка знала, что, если нужно будет, она сделает это, но не испытывала никакой радости от столь мерзкого действия.

Двух людей на тропе они увидели, когда те появились из-за деревьев. Шерон сразу же узнала высоченную фигуру и легкую походку того, кто шел первым. Рассмеялась. И в ее смехе было бесконечное счастье.

Неловко обняла улыбающегося, уставшего Тэо одной рукой, повернулась к Лавиани, но та предупредила:

– Без телесных нежностей, девочка. Я тоже рада тебя видеть, но это не значит, что полезу обниматься без веского на то повода. – Ее голос и тон говорили об обратном. Она тоже была довольна тем, что они встретились. – Что у тебя с рукой?

– Ловчий был проворнее меня.

– Мне надо посмотреть.

– За вами кто-то идет? – спросил Керник. – Встречали патрули?

– Нет, – негромко сказал Тэо. – Но по округе рыскают шаутты.

– Ты шутник, парень!

– Думается мне, что он не шутит, – задумчиво произнес Мильвио.

– Что? Лунные люди? Здесь? Так далеко от Рубежа? – не поверил воин.

– Когда в нашу эпоху тварей тьмы сдерживали замки белого огня? – резонно возразил треттинец. – Слышали же последние слухи об их появлении в Горном герцогстве. Почему бы демонам не появиться и здесь? Сколько их?

– Они выгнали ловчих из деревень. – Лавиани разматывала повязку, осторожно держа запястье Шерон. – Вот почему дикари ринулись в предгорья. Шаутты устроили в их поселениях кровавую резню. И недалекие варвары решили, что если добудут им много жертв, то тьма от них отстанет.

– Два дня назад Лавиани захватила одного ловчего живьем, – пояснил Тэо, прежде чем кто-то успел задать вопрос, откуда они это знают.

– Женщина взяла горца живым и смогла допросить? – Керник не поверил.

– Я была очень дружелюбной, – мрачно ответила ему Лавиани и сосредоточилась на осмотре травмированной руки указывающей. – Накормила его, рассказала сказку, и он, расстроженный такой материнской заботой, поведал мне эту удивительную историю.

– Мы встретили шаутта, – сказал Тэо Мильвио. – Он нас не заметил, потому что... ел. Человечину. А вчера, уже к вечеру, когда стали подниматься на тропу, увидели одного из них внизу. Он шел вдоль кромки леса, на запад.

– Он может идти за вами? – с тревогой спросила Шерон.

– Нет. – Мильвио следил, как разматывается повязка на руке указывающей. – Если бы он их увидел, то уже догнал бы.

– Я слышал, они перемещаются в тених и двигаются довольно быстро. – Керник выглядел встревоженным.

– Значит, нам повезло, что тогда было светлое время суток. – Пружина выпил немного воды из фляги.

– У нас на юге считается, что шаутты прячутся в тени, лишь когда наступает полнолуние. До него еще девять дней. – Мильвио набросил на плечи плащ, защелкнул застежку. – Тэо прав. Днем он может двигаться не быстрее нас, солнечный свет для таких, как он, словно гири на ногах.

– Сильный ушиб, – вынесла свой вердикт Лавиани и полезла в сумку на поясе. Достала белый, пахнущий амброй порошок, высыпала Шерон на запястье. – Это снимет отек. Руку держи в покое. Через неделю все будет хорошо.

Боль вернулась еще несколько дней назад, но Тэо так и не сказал об этом друзьям.

Она была иной. Странной. Не такой сильной, как прежде, и появлялась в пальцах левой руки. Пульсировала, словно нагнаивающаяся рана. Он замечал ее в первые минуты, а затем привыкал, забывал, а когда вспоминал снова, та уже проходила.

Точно ее и не было.

Пружина иногда ловил на себе взгляды Шерон, подозревал, что снова стонет во сне, но девушка не задавала вопросов.

За время дневных переходов путь к крепости забирал много сил. Хуже всего приходилось их новому спутнику. Эст Керник был уже немолод, к тому же его беспокоила рана, и к вечеру лицо воина становилось серым от усталости. Лавиани, глядя на него, лишь цокала языком, но стоически молчала. Лишь однажды сказала негромко Мильвио:

– Если он не сможет идти, я не поволоку его на своем заливке.

– Конечно, – легко согласился треттинец. – Это сделаю я.

Больше они на эту тему не разговаривали.

Горы теперь окружали их со всех сторон. Долина, заросшая елями, осталась далеко внизу. Тэо не сказал бы, что путь был трудным, но из-за ветра и холода идти оказалось нелегко, несмотря на широкую, ровную, плавно поднимающуюся тропу.

Сойка шагала последней, сильно отстав. Иногда они не видели ее до самого вечера, до тех пор, пока не начинали разбивать стоянку. Ее все еще беспокоили шаутты и всадники, которые, возможно, разыскивали сойку.

Тэо забрал у Шерон сумку, перекинул через плечо.

– Ты бывал здесь раньше? – спросила она у Пружины, слыша отдаленный рокот водопада где-то выше и удивляясь, что он все еще не замерз, несмотря на холод.

– Нет, – с видимым сожалением ответил акробат. – Слышал об этом месте, но добираться не доводилось. Фургоны цирка тут не пройдут, так что если мы и оказывались на севере, то ехали по тракту, через перевал. Но я всегда хотел посмотреть на легендарную Тропу Любви.

– Почему у нее такое название?

– Никто уже не помнит, полагаю, – ответил Мильвио, не оборачиваясь. – Когда-то меня заинтересовала эта тема, и я искал информацию в Каренской библиотеке. Но то ли я искал плохо, то ли книги давно утрачены... Даже легенд не сохранилось.

– Это потому, что вы южанин, сиор, – подал голос Керник. – Раньше крепость носила другое название, давно забытое. Тропой Любви ее окрестили во время Войны Гнева. Уж не знаю почему.

Тэо улыбнулся:

– Выходит, я один знаю ее историю. Крепость построили великие волшебники. Во времена, когда шаутты уже были побеждены, но мэлги наводнили север, а орден таувинов еще не пришел сюда, охотясь на асторэ на юге. Раньше тех гор не было. – Он указал на острые пики на противоположной стороне ущелья. – Они появились только после Катаклизма. И крепость тянулась по старому хребту, полностью защищая южный рубеж от мэлгов. Во время Войны Гнева здесь расположились силы Кама. Одного из учеников Скованного.

– Дважды предателя? – уточнила Шерон.

– Да. Сперва он был на стороне Скованного, затем перешел на сторону Тиона, а когда Скованный заключил союз с шауттами и армии Тиона начали отступать, снова заключил союз со своим учителем. Кам закрепился на этом рубеже и собирался нанести Тиону удар в спину. Последний не мог продолжить наступление, пока сохранялась угроза его тылам. Поэтому армии Тиона взяли крепость в кольцо. Голиб Предавший Род лично руководил осадой.

Шерон вспомнила чудовищный скелет великана, с которым им пришлось столкнуться на Талорисе, и поежилась словно от зябкого ветра. Воспоминание было не из приятных.

– Ему удалось? – поинтересовался Мильвио.

– Нет. Великие волшебники прошлого поработали на славу, и камни не брала даже магия учеников Скованного. Осада длилась несколько месяцев, и тогда помогла родная сестра Кама. Она предала своего брата из-за любви к Тиону, пускай и безответной. Рассказала о тайном ходе, проложенном под Мышиными горами. Пройти по нему мог лишь обладающий магией. Минувя множество ловушек, Тион сразился с Великим Земляным змеем, прирученным Камом, одним из отголосков созданий эйвов. Змей убил сестру Кама, но и сам остался в недрах пещер, пронзенный мечом великого волшебника.

– Поэтому дорогу назвали Тропой Любви? – догадалась Шерон. – Скорее ей больше подходит Тропа Смерти.

– Тион пробрался внутрь и распахнул для Голиба ворота, а сам сразился с Камом и победил его.

– Красивая история, – одобрил Мильвио. – Один против тысяч. Это достойно героя. Жаль, что никто так и не сложил песню о том бое. Тион против Кама, свет факелов, звон мечей.

– Мечей?! Сиор ошибается! Они же волшебники! А значит, сражались молниями, огнем и ветром, – сказал Керник и тут же одернул себя: – Хотя теперь-то мы уж точно не узнаем, как было на самом деле.

– Да, – с грустью ответил треттинец. – Подвиги в наше время забываются с той же частотой, как и гнусные дела. После сражения здесь были тысячи мертвых, и лишь время да люди, которые потом стали ходить здесь, сбрасывали кости вниз.

– Очищена лишь главная дорога. Весной, пока трава еще не стала густой, если посмотреть со стены, видны черные и желтые камни – черепа да кости, так и не ушедшие в землю, – подтвердил Керник. – Возможно, поэтому это место и не пользуется доброй славой. Все ждут, что мертвые когда-нибудь встанут и призовут живых к ответу.

– Оно не пользуется любовью из-за этих лестниц, по которым мы идем уже весь светлый день, – проронил Мильвио. – Люди обычно не считают нужным утруждать свои ноги больше, чем это требуется. А живой покойник... это что-то от некромантии, а не от магии шауттов.

– Вы не боитесь мертвых, сиор?

– Нет, эст Керник, – просто ответил южанин. – Я не боюсь того, что мертво.

– Потому что не верите?

– Довольно самонадеянно не верить, когда у нашего мира есть Летос, а в прошлом жили и некроманты. Нет. Просто я считаю мертвых куда как более безвредными существами, чем живых людей. От последних стоит ждать больших неприятностей.

Шерон остановилась, пропуская Мильвио и Керника вперед, взяла Тэо под руку, сказав тихо:

– Значит, шаутт жив...

– Сожалею, – так же тихо произнес он. – Но, судя по всему, у него какие-то дела, и он от нас отстал. Во всяком случае, пока.

– Но не другие...

– Шаутты искали не нас. Любых людей. Несколько дней назад я видел... – Тэо прервался, не став рассказывать девушке, как высокое существо в плаще убило путников на дороге и лишь чудом не заметило их.

– Тьма пробуждается, Тэо. В нашем истерзанном мире долгие годы царило спокойствие. Шаутты были лишь легендами. Как и мэлги. Рубеж всегда находился где-то там... на другом конце мира.

Тэо грустно улыбнулся. Еще несколько месяцев назад он не верил в то, что старые истории могут ожить и коснуться его. Но все внезапно перевернулось с ног на голову. И то, что раньше казалось замшелыми легендами, теперь оживало на глазах.

Довольно широкая тропа все время поднималась вверх, заворачивая направо. Подойдя к краю и посмотрев вниз, Тэо понял, что дорога поднимается спиралью вокруг массивной скалы. Маленькая точка внизу – Лавиани, находящаяся на витке тропы под ними, бодро шагала вперед, нагоняя.

– Поражают масштабы? – спросил Мильвио.

– Вполне, – отозвался Тэо. – Но дорога, вырубленная в горе, меньшее из тех чудес, что я видел. Вспомни тех же альбатросов Талориса или Калав-им-тарк.

Мечник рассмеялся:

– Калав-им-тарк? Понимаю, у тебя связаны с ним воспоминания, но от крепости мало что осталось. Конечно же если сравнивать с ее братом-близнецом – Грим-ар-дэном.

– Северный оплот шауттов? – удивился Пружина. – Ты и там был?

– Что тут такого? Он недалеко отсюда, в Тараше, на границе с Кулией.

– С ней связано огромное количество темных легенд.

Они вновь пошли дальше, по ледяным, скользким камням, следом за ушедшими вперед Шерон и Керником.

– Со всем нашим миром связано множество гадких историй, друг. Но время идет, и от прошлого остается только память. По большей части зло, что пугало наших предков, умерло вместе с ними. Город тьмы, существовавший на севере, был очищен еще во времена таувинов. Шауттов там не видели полторы тысячи лет.

– Так далеко на север я никогда не забирался. Крепость заброшена?

– Отнюдь. Там обосновались мятежники. Ну, во всяком случае, таковыми их считает герцог Тараша. Какой-то его троюродный брат по материнской линии, или что-то вроде того. Вялое противостояние за наследование северных баронств длится уже лет сорок. Оба благородных господина одной ногой в могиле, но все еще упрямы, точно мулы.

– И Грим-ар-дэн красивее Калав-им-тарка?

– Ну... и в твердыне Горного герцогства есть свое очарование. Во всех этих оплавленных магией стенах, обломанных шпилях и самом величественном водопаде всех северных стран. А рассвет, когда вспыхивают поочередно Зубец Тиона, Гребень Арилы и другие пики... Невероятное зрелище. Но ученики Скованного, спасая Нейси и Арилу, хорошенько прошлись по Калав-им-тарку волшебством. Грим-ар-дэн сохранился лучше, а оттого кажется значительнее. Точнее, неприступнее.

– А ты что делал среди этих мятежников?

Мильвио улыбнулся:

– Я от природы любопытен, Тэо. И, когда мне представилась возможность посмотреть нечто новое, я тут же туда отправился. Провел там несколько месяцев. Учил младшего внука его милости основам меча.

– Подозреваю, что герцог Тараша, узнай он о том, что кто-то обучает его врага, был бы не очень рад.

Треттинец расхохотался:

– Его врагу было десять лет. Хотя ты прав. Мне повезло, что он об этом не узнал. Потому что я видел его спустя год и могу сказать: человек его светлость крайне тяжелый и гневливый.

С каждым поворотом тропы грохот усиливался, и наконец Тэо увидел водопад, белым облаком разбивающийся о скалу далеко внизу.

– Откуда здесь столько воды? – напрягая голос, спросила Шерон.

– Магия! – ответил ей Керник. – Я был здесь шесть лет назад, прошлой зимой, и он даже не думал замерзнуть, как и ключи, его питающие.

– Ключи? Здесь должна быть огромная река!

– Увы. Никаких рек на такой высоте нет. Все они остались внизу, в ущельях. Перед тобой источники, дававшие воду крепости.

Из-за брызг, осевших на камни, дорога стала еще более скользкой, и Мильвио подал Шерон руку.

– Последний виток – и мы окажемся на вершине хребта, – без всякой радости сказал Керник.

Тэо видел, как бледно его лицо.

– С вами все в порядке?

– Просто усталость, – ровно ответил старый воин. – Скоро сделаем большой привал, там и отдохнем.

Тэо первым вышел на открытую площадку, над которой ветер гнал тяжелые облака. Резкие ледяные порывы били по ногам, стремясь опрокинуть. Прямо перед акробатом высились темно-синие стены, сложенные из огромных каменных блоков. Они поднимались на высоту сорока пяти ярдов, а затем переходили в две опорные башни.

– Вон там был мост! – Пружина указал на острый козырек с перилами, находящийся на краю площадки и обрывающийся в пропасть.

– Говорят, раньше здесь начиналась главная дорога от крепости. – Керник перевел дух, жадно всматриваясь в зев темных врат. – Мост обрушился во времена Катаклизма, и осталась лишь тропа в горах. А так была бы прямая дорога до Гранита для телег, карет и всадников.

– Давайте уйдем с ветра, – предложила Шерон, и они направились к крепости, которая теперь, казалось, заполнила собой весь мир, нависнув над ними.

За аркой ворот начинался большой квадратный двор, напомнивший Тэо глубокий колодец, с тусклым, несмотря на середину дня, светом и толстым слоем снега, лежащим вдоль стен.

– Здесь три пути, – сказал Пружина, разглядывая арки ходов. – Какой нужен нам?

– Я ходил по самому широкому, – ответил Мильвио, указывая на дорогу, поднимающуюся в горку и скрывающуюся за оборонительным бастионом. – Главный тракт идет по верху стены. Но тогда было тепло, а сейчас лишь ветер да лед.

Керник стоял прислонившись к стене, и Тэо, глядя на его забинтованную голову, подумал, что надо попросить Лавиани о помощи. Ей стоит еще раз посмотреть рану старого воина, слишком худо он выглядел.

– Я ходил по самой правой. Один раз, – произнес воин. – В другое время так же, как сиор де Ровери, шел поверху. Сейчас лучше выбрать галерею. Она по бокам открыта, но есть крыша над головой и днем там всегда светло. Лучший вариант для такой погоды.

– Возражений нет? – Мечник посмотрел на акробата и девушку.

Пружина пожал плечами, показывая, что ему все равно и он доверяет людям, которые тут уже были. Шерон кивнула.

– Ну, тогда решено.

– Я останусь здесь. – Тэо стянул вещмешок с плеча. – Надо дожидаться Лавиани.

– Ценю твою заботу обо мне, мальчик, – сказала сойка, выходя из арки темных ворот.

– Что-нибудь заметила, сиора?

– Нет, Фламинго. Дорога за нами пуста, и такое впечатление, что пуста аж до моря Мертвецов.

– Нам везет.

– Смотри не сглазь. Хотелось бы пройти горы как можно быстрее. Насколько долог путь? Керник помедлил с ответом, разглядывая ее копье, сейчас избавленное от тряпок и чехла:

– Два дневных перехода. Можно пройти и за сутки, если не ночевать. Ты вообще умеешь обращаться с этой штуковиной, женщина?

Лавиани заметила предупреждающий взгляд Шерон и буркнула, проглотив ругательство:

– Не такая уж это сложная штука. Коли посильнее, а все остальное получится как-нибудь.

Она не стала ждать, что он скажет на это, и первой ступила на лестницу, уводящую к галерее, тянущейся по стене.

Ей снова снилась высокая трава, ясное небо с висящим над головой полуденным солнцем, журчание воды, носящиеся в воздухе стрекозы. И снова острая кинжальная боль голода пронзила ее желудок.

У нее не было рук, ног, глаз, она лежала на душистой, немного влажной земле и хотела насытиться. Как и прежде, мысленно потянулась вперед, в поисках подходящего тела и тут же его нашла. Совсем рядом от себя, в двух шагах, радуясь такой удаче.

Она коснулась его и вспомнила все, что было раньше.

– Стоп! – сказала себе Шерон. – Стоп! Перестань! Просыпайся! Проснись! Слышишь?!

Зеленая трава и край голубого неба закрутились, перемешались в одну серую краску, и указывающая раскрыла глаза, глядя на то, как белое пламя костра меняет свой цвет.

Лавиани, обняв копье, словно младенца, неотрывно смотрела на девушку, сидя на своем темно-зеленом походном одеяле из овечьей шерсти. Все остальные спали, небо только-только начало светлеть.

Указывающая перевела дух, чувствуя, как сильно стучит у нее сердце.

– Уже лучше, – шепнули губы Лавиани. – На этот раз ты проснулась прежде, чем произошла какая-то пакость.

Шерон кивнула, хмурясь и не понимая, что же ее беспокоит. Потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. Голова была тяжелой после сна. Она откинула одеяло, подняла воротник куртки и, подойдя к перилам галереи, стала смотреть на то, как вершины снежных пиков, окружавших их со всех сторон, становятся все более четкими, мрак отступает от тысячелетних стен и на зубцах квадратных башен, стоящих вдоль горного хребта, загорается бледно-розовый свет.

Лавиани встала рядом, нарушив молчание:

– Что тебя беспокоит?

– То, что происходит со мной. Хотя нет. Не это. Все живы?

Вопрос был неожиданным, и сойка нашла не сразу:

– Если тебе приснилось, что ночью приходил шаутт и стянул циркача, то нет. Все спокойно.

Девушка посмотрела на трех мужчин. Тэо спал рядом с огнем, из-под одеяла белела полоска его лба. Рядом с Мильвио лежал его меч. Керник отвернулся к стене, подставив спину теплу.

– Эй! Я все еще здесь. – Сойка не понимала, что так волнует девушку.

– Мертвый. Где-то рядом мертвый человек. Я его почувствовала, когда спала, и чуть не...

Она не стала добавлять слово «подняла». Судя по лицу Лавиани, этого и не требовалось. Та прекрасно помнила, что случилось в прошлый раз.

Девушка наклонилась над Тэо, осторожно потрепала его по плечу, и тот, негромко вздохнув, поднял веки.

– Утро начинается. Скоро в дорогу.

Она сказала это громко, и Мильвио, приподнявшись на локте, посмотрел на небо из-под надвинутого на лоб капюшона. Прикрыв рот ладонью, он зевнул, потянулся, точно кот, и сказал:

– Север зимой прекрасен, но, клянусь Шестерыми, нет ничего лучше, чем просыпаться на юге. Там не чувствуешь себя замороженным деревом.

– Предлагаю заняться упражнениями, – сказал ему Тэо, сбрасывая теплую куртку. – Ничто не дает такой заряд бодрости, как...

– Прыжки, отжимания и другие обезьяньи ужимки, – перебила его Лавиани. – Вряд ли наш благородный господин снизойдет до того, чтобы махать руками и ногами под твоим руководством.

– И все же мастер Тэо прав. – Мильвио тоже снял куртку, оставшись в толстом вязаном свитере, и вытащил из ножен меч. – Но я предпочту тренировку с оружием. Это ничуть не хуже сальто и... Шерон? С тобой все в порядке?

Девушка, мгновение назад склонившаяся на Керником, выпрямилась. Ее лицо было совсем смертельно бледным.

– Он мертв, – тихо сказала указывающая.

Воздух казался кристально чистым, точно хрусталь, и пах легким морозом. Снег на пиках, со всех сторон подступивших к Тропе Любви, сиял на ярком солнце столь нестерпимо, что на него стало больно смотреть. Глаза все время слезились, и влага тут же мерзла на обветренных щеках путников.

Шерон повязала на лицо шерстяной шарф Мильвио, закрывая нос и щеки, чтобы хоть как-то защититься от ветра, то и дело врывавшегося на галерею.

Крепость была бесконечной. Стена, через каждые четверть лиги укрепленная сторожевой башней, тянулась по хребту, по горным склонам, над долинами, и оставалось лишь догадываться, какой мощью обладали великие волшебники.

С каждым часом пути они все дальше уходили от мест, где охотились ловчие, и девушка ощущала необычайную легкость от того, что им удалось выжить. Всем вместе выбраться из кольца облавы. Дорога по крытой галерее, проходившей по верхнему ярусу стены, оказалась необычайно удобной, пускай здесь и властвовал холод. Зато не было снега и льда, а вид открывался заворачивающий.

Впрочем, красоты ее сейчас мало привлекали. Она думала о погибшем. Похоронить Керника было негде, вокруг сплошной камень, и Лавиани предложила сбросить тело со стены вниз, в пропасть, усеянную острыми зубцами скал, высившихся над заснеженными соснами.

– Как-то нелепо умер, – негромко произнес Тэо, молчавший почти весь день.

Лавиани pokrивилась:

– Обычная смерть. Как и большинство в нашем мире. Признаться, я думала, он протянет еще пару дней. Помрет уже после того, как мы расстанемся. Не смотрите на меня так. Когда мы встретились и я осмотрела его рану, то поняла, что он не жилец.

– Керник всего лишь потерял ухо, сиора. Люди редко от этого умирают.

– Люди умирают даже от банальной простуды, Фламинго. А здесь... на клинке была какая-то зараза. Будь он помоложе, возможно, выжил бы. Но климат, усталость и высота сыграли свою роль.

– Жаль, – сказала Шерон.

– Жаль? Ты знала его всего несколько дней.

– Это не значит, что Шестеро лишили меня сострадания.

– Да ему можно только позавидовать, девочка. Умереть во сне и неожиданно для себя – редкая удача. Без боли, мучений, страха. Хотела бы я, чтобы мне повезло так же, как и ему.

– Не могу назвать смерть везением. Даже при таком раскладе. – Мильвио смотрел на горы и шурился.

– Ты еще молод, чтобы рассуждать о таких вещах здраво, Фламинго. Поживешь с мое, поймешь, что такой вариант куда лучше ломоты в суставах и утреннего бульканья в легких.

Погода начала портиться уже после полудня. Солнце спряталось за переползшими через хребет свинцовыми тучами, и меньше чем за двадцать минут они заволокли все небо. Резко похолодало, пошел мелкий, колючий снег.

– Будет буря, – предупредила Шерон спутников.

– Нам придется остановиться раньше, чем я планировал, – сказал Мильвио. – Укроемся в ближайшей сторожевой башне.

Тэо слушал вой ветра и видел, как снег на дальнем склоне начинает закручиваться в спирали, поднимаясь обратно, к небу.

Ветер выл как проклятый, то и дело налетая сбоку, точно молот ударяя по ним. Крыша от порывов не спасала совершенно.

Темнело, и метель только усиливалась. Тэо прикрывал Шерон сзади, а Мильвио, шедший спереди, защищал девушку спиной, но та все равно двигалась низко опустив голову и иногда шатаясь от порывов. Лавиани обогнала трою и сразу же исчезла в белой круговерти. Остались лишь ее следы, но и они пропали под свежим снегом уже через десять минут.

Когда на пути появились темные камни и еще более темный провал, ведущий под низкий каменный свод, все вздохнули с облегчением. Мильвио посторонился, пропуская Шерон, и та, оказавшись под прикрытием толстых стен, стянула с лица шарф.

– Здесь оставаться бессмысленно. Холл сквозной, все продувается.

– Верно, – согласился Мильвио. – К утру без огня мы превратимся в покойников.

– Тут лестница. – Лавиани вышла из мрака, сплевывая кровь, текущую из растрескавшихся губ. – Вверх можно подняться на пролет, потом завал. А вниз дорога свободна. Далеко я не спускалась, только на один ярус. Но там нет ветра и значительно теплее. Только темно хоть глаз выколи. А факелов у нас нет.

Ей и указывающей свет не требовался, чего не скажешь о мужчинах.

– Эту проблему я решу, – сказала Шерон. – Но разумно ли спускаться в недра башни?

Мильвио пожал плечами:

– Лично я не вижу причин отказываться переждать снежный буран в более удобной обстановке. А ты, Тэо?

Акробат согласно кивнул:

– Готов пойти куда угодно, хоть в подвал, лишь бы подальше от открытых пространств.

Он увидел, как Шерон достала из сумки игральные кости, шепнула им что-то ласковое и неразборчивое, бросила их под ноги, и те мягко засияли белым светом. Егохватило, чтобы осветить первые пять узких ступеней, ведущих в бездну.

Девушка с некоторой опаской посмотрела на Мильвио, но не увидела на его лице ни страха, ни ненависти, ни отвращения. Он лишь улыбнулся, словно та показала ему какую-нибудь милую вышивку:

– Так вот как выглядят твои способности. Это и есть магия?

– Скорее ее малая часть, – ответила за нее Лавиани и, едва не опережая прыгающие со ступеньки на ступеньку кости, начала спускаться.

Вой ветра ослаб за спиной. Их ботинки тревожили пыль, которая здесь покоилась веками.

На лестничном пролете Тэо увидел, что дверь, когда-то перекрывавшая проход, отсутствовала. За тысячу лет она рассыпалась прахом. А быть может, кто-то из тех, кто путешествовал здесь раньше, просто разрубил ее и пустил на дрова во время такой вот незапланированной остановки.

Мильвио шагнул в проем следом за Лавиани, склонив голову, чтобы не задеть каменную притолоку.

– Что насчет огня, девочка? Я устала как собака, и хорошо бы погреться хоть немного.

С помощью двух камушков, извлеченных из сумки, указывающая вызвала белое пламя, не дающее дыма, но источающее живительное тепло.

– Мы в караульной. Или что-то вроде того, – вынес свой вердикт треттинец, изучив помещение.

– Пойду осмотрюсь. – Лавиани бросила свою сумку под ноги Тэо. – Здесь еда. Мою порцию можете разделить. Я не голодна.

– Разумно ли это, сиора? Без фонаря или факела уходить из освещенного зала опасно.

– Такая забота начинает нервировать, Фламинго.

– Она видит в темноте ничуть не хуже меня. – Уставшая Шерон грела ладони у огня и поэтому не заметила, с каким недовольством посмотрела на нее сойка.

Та ушла, и Мильвио, несколько озадаченный новостью, осторожно произнес:

– Лавиани не похожа на указывающую.

Тэо хмыкнул, но ничего не сказал, зубами растягивая узел завязок на вещмешке.

– Ты прав. – Шерон попробовала пошевелить запястьем и поморщилась от боли, стрельнувшей выше по локтю. Поединок с ловчим все еще давал о себе знать. – Она немного не такая, как мы.

– Это я заметил, – улыбнулся мечник и, видя, что тайну сойки ему не откроют, не стал приставать с вопросами.

Они разделили еду – остатки копченой грудинки, два вареных куриных яйца, морковь и черствый хлеб. Тэо неспешно жевал, прислушиваясь к слабому гулу – ветер за стенами был точно сотня шауттов, и даже толстые камни не спасали от его песни.

Лавиани вернулась, когда Шерон уже начала беспокоиться, что та все же заблудилась.

– Здесь хоть шаром покати. Все деревянное давно сгнило, а что было из металла прожарело. Во всяком случае, на этих ярусах. Но я кое-что нашла. Вам стоит взглянуть. Тебе, Шерон, особенно.

Девушка удивилась, но поднялась со своего расстеленного одеяла и громко шелкнула пальцами, призывая игральные кости. Те подкатились к ее ботинкам, готовые следовать за своей хозяйкой.

– Это далеко?

– В двух шагах. Тэо, ты с нами?

– Ни за что не пропущу. Мильвио?

– Я – бесконечные залежи кипящего любопытства. – Тот поднял меч.

– Оставь свою железку, мальчик, – пренебрежительно произнесла Лавиани. – Это место такое древнее, что здесь даже крысу не найдешь.

– Предпочитаю не расставаться с Фламинго, сиора.

За караулкой начинался узкий коридор со сводчатым потолком. Справа и слева от них то и дело возникали арки, ведущие в маленькие комнатки без окон. Такие же пустые и пыль-

ные, как и прежнее помещение. Несколько коридоров были забраны ржавыми решетками, едва держащимися в стенах.

– Снова лестница, – сказала Шерон, останавливаясь перед первой ступенью.

– Она короткая. Давай, девочка. Давай. Не робей. Это не Талорис. А просто груда заброшенного камня.

Тэо на всякий случай запоминал дорогу и считал ступеньки. Он посмотрел на Мильвио и увидел, что губы у того тоже беззвучно двигаются.

Зал, куда привела их Лавиани, был огромным, с двойной колоннадой, терявшейся во мраке.

– Сюда, – поманила сойка. – Посмотрите на стену.

Шерон наклонилась, и кости прыгнули на ее раскрытую ладонь. Девушка подняла руку повыше, освещая стену с колоссальным рисунком. Он оказался старым, кое-где совершенно потерявшим цвета, и в этих местах глаз различал лишь слабые контуры бывшего изображения. Фрагменты картины были частично скрыты под кусками темно-серой плесени, выросшей на краске.

Но все равно того, что имелось, хватило, чтобы она издала восхищенный возглас и, сияя глазами, повернулась к Тэо:

– Узнаешь руку?

– Да, – тут же откликнулся он. – Тот же художник, что рисовал фреску на куполе здания, которое я видел с парома. Ей больше тысячи лет, и для этого времени она прекрасно сохранилась в таких условиях. – Он указал на изображение статной белокурой девушки в воздушном нежно-голубом платье. Возле ее ног лежал большой пятнистый карифский кот с кисточками на ушах. – Прочесть подпись не могу, но и так понятно, что это Лавьенда.

– Красивая сиора. – Мильвио подошел поближе. – В моей стране всегда ценили такие волосы. Она легко могла бы стать герцогиней.

– Она была больше чем герцогиня. Благодаря Скованному у ее ног лежал весь мир.

– Ничем хорошим это не закончилось, циркач. – Лавиани постучала пальцем по рисунку. – Обратили внимание на колонны?

Тэо обернулся назад:

– Да. Ты права, это зал, в котором мы сейчас находимся.

– Или очень похожий на него, – не согласился с ним Мильвио. – Здесь нарисованы окна и нет статуй львов, а у нас, наоборот, есть львы и никаких окон. Стена глухая.

– Все могло измениться. Смотрите, сколько свечей нарисовано. И люди в таких красивых одеждах. – Шерон прищурилась, читая мелкие подписи рядом с изображениями. Большинство имен ни о чем ей не говорило. – Кажется, они что-то празднуют. Хм, а вот это сам Войс!

Лучшего друга Тиона почти не было видно, из-за влажности остался лишь едва различимый контур. Можно было предположить, что великий волшебник стоял, опираясь на стол, и наблюдал за танцующими парами.

– Война Гнева еще не началась, и этот человек еще жив. Так грустно смотреть и знать, что люди, которые радуются, давно мертвы, – печально произнесла Шерон.

– Мы все умрем, – спокойно ответил ей Мильвио. – Смерть придет ко всем нам. Это в человеческой природе – умирать.

– Есть разница, Фламинго. Одно дело сдохнуть, когда тебе девяносто и ты уже ждешь этого едва ли не с радостью, лишь бы песок перестал из тебя сыпаться. Совсем другое, когда едва исполнилось двадцать и твоя жизнь – сплошные мечты и надежды.

– Ты жалеешь его? – удивился южанин.

– Я?! Я даже себя не жалею. Чего уж говорить о людях, которых нет тысячу лет. За это долгое время множество молодых умерло. На всех не хватит скорби даже у Шестерых.

– Войс погиб, сражаясь с Лавьендой. Она убила его. Тот, как и Тион, хотел отомстить Скованному за Арилу.

– Мальчик был влюблен в нее?

Все вопросительно посмотрели на Лавиани, и она хмыкнула:

– Ну, мне в первую очередь подумалось о любви. Юность склонна к подобному. Хотя Арила любила Тиона. Экая печаль для Войса.

– Тебе бы баллады сочинять. Этого мы уже точно никогда не узнаем.

Шерон продолжила идти вдоль стены, освещая ее с помощью игральных костей. Люди из прошлого веселились, улыбались, пили рубиновое вино из хрустальных граненых фужеров, слушали музыку, общались, танцевали. И у девушки возникло чувство, что все это было совсем недавно. Возможно, вчера. Но стоило ей обернуться на темный, мрачный зал, как это впечатление пропало.

Еще одно известное имя. Гвинт. Он стоял спиной к зрителям, поглаживая крысу, сидевшую на его плече.

– А кто это? – спросил Тэо, ткнув пальцем на высоченного широкоплечего человека с длинными черными волосами и впалыми щеками.

Его лицо было грубым, словно вытесанным из дерева не слишком умелым плотником, который в качестве инструмента выбрал боевую секиру. Низкий лоб, маленькие глаза и тяжелая челюсть. Даже при большом желании язык не повернулся бы назвать его красавцем.

На шее у него висела золотая цепь со знаком горящего орла. В отличие от всех других в зале, облаченных в шелка и бархат, этот был одет в кожу, шерсть и сталь, словно готовился к битве. Рядом, прислоненная к стене, стояла массивная алебарда. Он мрачно смотрел в свой опустошенный кубок.

– Кам, – прочитала имя Шерон. – Хозяин Тропы Любви. Это он устраивает бал. Интересно, почему его нарисовали таким недовольным? И чья рука на его плече? Женская.

Владелицу руки, окутанной в тонкую воздушную ткань, разглядеть оказалось невозможно – потеки с потолка уничтожили эту часть работы художника.

– Хм. А чего он такой здоровый? – полюбопытствовала сойка из другого конца зала.

– Говорят, в его жилах текла великанья кровь.

– Это миф, – не согласился Мильвио. – У гигантов с людьми нет ничего общего. Как и у людей с асторэ, или уинами, или мэлгами. Мы разные. Кам был не только волшебником, но и воином.

– И сдох где-то в этой крепости, – жестко произнесла Лавиани. – Осталось найти его большую черепушку и сделать из нее светильник на радость всем мужам Каренского университета. Ха-ха. Но я вообще-то тебя позвала не ради него, Шерон. Вот. Посмотри-ка сюда.

Сойка стояла довольно далеко от них, пришлось пройти почти десять ярдов, пропустив целый участок фрески, частично скрытой плесенью. Этот фрагмент сильно потерял в цвете, было видно, что Лавиани совсем недавно очистила его от налета – правый рукав ее куртки оказался грязным.

– Увидела буквы. – Женщина показала на едва видимые «Т», «и» и последнюю «н». – Решила, что стоит рассмотреть его получше.

Они все вчетвером стали изучать молодого человека с колодой игральные карт в руке. Его собеседника не было видно, он все еще скрывался под слоем плесени.

– Тион? – Шерон смотрела на мужчину, которого должна была найти, с таким же выражением, как заблудившийся в пустыне смотрит на внезапно обнаруженный им оазис с чистой водой.

– Буквы плохо различимы, но, думаю, это он.

Указывающая встала практически вплотную, стараясь запомнить каждый фрагмент рисунка. Зафиксировать лицо в памяти, чтобы, встретив, не ошибиться.

Во всей его фигуре и позе чувствовалась необычайная легкость. Так мог выглядеть какой-нибудь танцор. Или фехтовальщик.

В больших глазах отражались свечи, и казалось, что он смеется, услышав шутку своего невидимого собеседника.

Лицо Тиона было приятным, даже несмотря на чуть тяжеловатый подбородок и маленький шрам в уголке рта. Волосы у него оказались с красноватым отливом, и на щеках лежала россыпь веснушек.

Он был одет в вельветовую куртку с медными пуговицами, а васильковый берет небрежно торчал из его кармана. Казалось, что великий волшебник явился на праздник прямо с дороги, совсем недавно прыгнув с лошади.

– Забери меня шаутты, но я не знала, что он рыжий. А ты, циркач?

Тэо посмотрел на пятно плесени справа от человека, развязавшего Войну Гнева, провел по нему пальцем. Затем еще раз, и на свет появился краешек женского платья.

– После Катаклизма в мире не осталось ни одного прижизненного портрета шестерых великих волшебников – Арилы, Войса, Тиона, Гвинта, Нейси и Скованного. Обычно когда их рисуют, художники используют воображение. Существует канон, которому следуют все мастера – Арилу рисуй в маске, Тиона с игральными картами или веером в руках. И так далее. Тогда не важно, как выглядит человек, – есть определенная вещь в руке, значит, Тион.

– Веер? – скривилась Лавиани. – Он что, из тех юных богатеньких глупцов, что рассекают по Пьяным садам Рионы в поисках запретных развлечений?

Тэо закатил глаза:

– Вечно я забываю, что ты ничего не знаешь. Веер был волшебным. С помощью него он ходил по канату, сражался с шауттами.

– А карты? – Сойка постучала костяшкой пальца по нарисованным прямоугольникам в руках великого волшебника.

– Он был азартным игроком. Лучшим, как говорят. Только Войс и Скованный могли его обыграть.

– Ты считаешь, что изображение настоящее? – спросила Шерон.

Акробат приблизил лицо к стене, изучая выцветшую краску и трещины.

– Костюмы той эпохи. Сейчас их рисуют в одежде наших времен. Эта фреска очень древняя. До Катаклизма. Есть шанс, что ее писал человек, который лично видел Тиона. А если так, то этот рыжий именно тот, кого мы ищем.

Мильвио вежливо кашлянул, а Лавиани закатила глаза, досадуя на болтливость Пружины.

– Мне слышалось или ты действительно сказал, что вы ищете Тиона? – Каждое слово мечник пробовал на вкус, словно ожидая, что вместо булки с марципаном ему подсунули гнилой кочан капусты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.